

Фёдор Быханов
Тайна горного озера
Фантастический роман

Книга первая. АЛМАЗЫ ДИКТАТОРА

Глава первая

Медведь бодро шел на закление.

Он уже успел за это лето изрядно набрать жирка на поспевших таежных малинниках. О чем красноречиво говорила, хотя бы, шкура исполина. Она буквально лоснилась своей бурой шерстью, переливающейся на мощном загровке чуть ли не шоколадными оттенками.

Они особенно заметны сейчас — в лучах утреннего солнца. Которое уже успело и само выглянуть из-за ближайших вершин, и миллионами блесков отразиться в каплях ранней утренней росы.

Эта серебристая влага, выпавшая в тайге после прошедшей, довольно прохладной ночи, обильно покрывала сейчас все вокруг: траву, листья кустарников, иголки кедров и пихтачей. И даже, выпиравшие из утопанной земли, круглые гальки на пешеходной тропе.

Вот по нему-то — единственному пути в

дремучих зарослях дикой природы и спешил озабоченный топтыгин, флегматично переваливаясь со стороны в сторону упитаной тушей.

И только острые клыки в, раскрытой от вожделения, пасти, да мощные когти, оставлявшие царапины даже на камнях, напоминали о совсем не миролюбивом нраве зверя. Правда сейчас, вовсе не походившего на себя прежнего — безоговорочного хозяина тайги.

Явно потеряв былую осторожность, медведь неумолимо спешил вперед.

Так торопился, что уже не принюхивался к запахам и не озирался по сторонам. Как обычно делал в поисках добычи или примет возможной опасности.

Сейчас он просто двигался по самому верному пути к манящей цели, выбрав для этого тропу, протоптанную охотниками и туристами.

Вот и очередная группа их, ставшая лагерем у последних кедров перед долгим травянистым подъемом к перевальной седловине, была готова продолжить движение. Но, что — то тревожное и людей охватило этим ранним часом.

Туристы и сами по себе медлили, собирая рюкзаки и вещи бивушка, тут же вообще оторопели полным своим составом. Замерли все во главе с верховым проводником, с двумя его лошадьми и даже звонкоголосой, обычно, лайкой Керзоном.

Теперь собака, боязливо поджав хвост, терлась рядом с хозяином, когда мимо них, важно прошествовал громадный зверь. Не удосужившийся даже на то, чтобы просто рявкнуть упреждающе на неожиданное препятствие.

Происходило как будто так и должно было быть — медведь выпонял некую миссию, мешать которой не мог никто, оказавшийся на его дороге.

Исчез он столь же стремительно, как и появился. Оставив после себя, на росистом грунте между камнями, глубокие отпечатки лап, как свидетельство тому, что вовсе не привидился испуганным очевидцам, упитанный мишка на его последнем пути к горному озеру.

Дольше других, задумчиво смотрел во след косолапому, одетый совсем не так как другие — штормовочное братство, самый важный в компании — проводник. Несмотря на теплую погоду, на нем был, гремящий при каждом движении грубым брезентом, плащ-палатка, доставлявший особое удовольствие старику-алтайцу.

Остальные уже переглядывались между собой, словно ища подтверждения увиденному, а проводник продолжал глядеть только туда, где за поворотом тропы, нырнувшей в очередной увал, исчез виновник общего переполоха.

Ожил старик лишь тогда, когда истома

запоздалого страха охватила лошадей. И ту, на которой, перед тюком с грузом сидел хозяин, и другую — навьюченную еще большим количеством рюкзаков.

Нерадостно — как бы извиняясь за допущенную промашку, твякнула собака.

Потом, лайка бодрее попробовала голос.

Залилась на все урочище звонким лаем, не напоминая, однако, стремление тут же пуститься в догонку за грозной дичью.

— Будет тебе, Керзон проклятый, — незлобиво, все понимающе, осадил его хозяин. До того мгновения не сводивший глаз с медведя, пока тот не скрылся в таежной зелени.

Потрепав успокаивающе и лошадь по, все еще напряженной, шее, он произнес слова уже не для собственной «свиты», а для спутников:

— Миновала беда!

После чего прыгнул, как молодой на землю с лошади и принялся снимать с седла плклажу.

Сбросил сначала один мешок со своей послушной лошадки, а потом снял и все, что прежде успел навьючить на вторую «тягловую силу».

После чего у ног коновода оказались все, доверенные ему, рюкзаки с самым тяжелым содержимым туристического скарба клиентов — консервными банками, палатками и прочим.

— До завтрашнего утра с места не трогаемся! — категорично заявил конюх, завершив разгрузку.

Потом, видимо, догадался, что необходимо бы и популярно объяснить причину своих самовольных действий. Что и сделал, но при этом обращаясь сразу ко всем, а не только, к озадаченному не меньше других, руководителю:

— Пойдем дальше попозже медведя. Если, конечно, сами не желаем, вот как он, попасть духу в лапы!

Уверенность в том, что никто не станет ему перечить, явно читалась на лице человека, прежде еще не успевшего дать повод, подозревать его ни в малодушии, ни уж точно — в слепом суеверии и поклонении перед темными силами.

Хотя знакомство туристов со своим будущим проводником было явно не шапочным. Оно состоялось еще за несколько дней раньше и имело вовсе не случайный характер.

...До этого, с момента выхода по маршруту от поселка Чибит, беспрекословно следовали за своим «Дерсу Узала», как назвали своего местного провожатого, начитанные сельские школьники.

Впервые попавшие в самое сердце Горного Алтая, они были искренни рады участию в мероприятии столь бывалого человека. И еще этим утром все без оговорочно всерьез считали:

— Нет более авторитетного следопыта.

И вот теперь выяснилось, что думали столь лестно про того, кто только что — на полном серьезе проявил дремучесть, присущую кому угодно, только не современнику конца просвещенного двадцатого века.

— Вот и выходит, что совершенно зря и явно не по делу рекомендовали нам его поселковые жители в качестве наилучшего в этих местах, знатока природы, — начала считать дюжина подростков, во главе с самоуверенным, подтянутым с нескрываемым армейским шиком, педагогом.

Действительно, что и говорить, иным было первое мнение, когда ребята высадились из рейсового автобуса, доставившего их на берег быстрой реки Чуи. Где знавали и куда более серьезных путешественников, чем этих участников пешегодного путешествия всего-то первой категории сложности.

Старший среди приезжих — Борис Ефимович Коротун тогда и отыскал себе сопровождающего.

Не по собственному, впрочем, почину, а во всем следуя инструкции, полученной им на работе, где среди педагогического коллектива школы вовсе не считался специалистом по краеведению.

Но так оно и было.

Ведь, вовсе не по своей воле бывший ракетчик — старший лейтенант запаса оказался замешанным в

истории, связанной, как выяснилось, со всевозможной чертовщиной, включая сумашедших медведей и, подобных им, знатоков окружающей тайги.

— И вообще, — по мнению Бориса Ефимовича. — С самого начала затея данного похода по настоящим горам долго весела на волоске.

Она не сразу вызвала одобрение у руководства районного «Управления образования», куда обратились с «главной» школы райцентра участники туристической секции, успевшей к тому времени облазять на «своих двоих» всю степную округу.

На стороне энтузиастов было, впрочем, немаловажное обстоятельство.

Перспективы после осуществления похода сулились неплохими. В том числе — участие в краевом конкурсе. Заявку куда школьники уже подали, не посоветовавшись ни с кем. Как говорится, «сунувшись поперек батьки в пекло».

И все же согласилось районное начальство командировать спортсменов. Те же и рады стараться — уже все оформили, приобрели необходимое в дорогу, как вдруг новая напасть поставила под угрозу неизбежного срыва проведение столь важного воспитательного мероприятия:

— Понадобился новый руководитель!

Стал коим, по горячему настоянию директора школы Чермена Васильевича Аверина, именно преподаватель начальной военной подготовки Борис Ефимович Коротун. Лично не желавший, однако, вязываться в подобные авантюры.

— Не подводи весь коллектив, соглашайся заменить пострадавшего коллегу! — приказным порядком обратился тогда к нему директор. — Не каждый год подобные походы организовываем, чтобы срывать их из-за какой-то там травмы одного человека — учителя физкультуры.

И далее тот разговор шел на повышенных тонах.

Один отказывался, как мог, «браться за гуж», другой, используя, что называется, административный потенциал, проникновенно убеждал военрука со всей директорской хитростью:

— Как же ты, Борис Ефимович, не понимаешь, что ребята целый год мечтали о походе по Горному Алтаю, готовились к нему, — голос с повелительного перешел на вкрадчивый. — Теперь же, только из-за тебя все может рухнуть.

Огорченно отвернувшись от подчиненного, Аверин шумно налил в стакан воды из граненого графина, но пить сам не стал, протянул посетителю:

— Не можем, мы — педагоги такого себе позволить, чтобы обмануть ребят. Как хочешь, а не

позволю им потерять веру в справедливость. — снова стал горячиться директор. — И вообще — разве позволительно испортить детям летние каникулы!

Сам инициатор путешествия — легкий на помине физрук Николай Петрович Михеев, при этих словах тоже появился в директорском кабинете.

Правда, он вошел туда уже к самому концу жаркого разговора.

С мученическим выражением лица поздоровался с коллегами, после чего демонстративно принялся нянчить свою левую руку, по локоть закованную сейчас в белый «панцирь» гипсовой повязки.

Всем своим видом словно показывая, что никак не может привыкнуть к боли с тех пор, как прошлым вечером, поливая грядки на огороде, подскользнулся, упал на мосток у ручья и сломал руку.

— Лучевая кость пострадала, — вновь озвучил пострадавший огородник-любитель, полученный им, вердикт травматолога райбольницы.

И далее виновник новоявленных личных и школьных проблем не оставил медицинской темы:

— С таким диагнозом хорошо бы мне к началу нового учебного года выздороветь, а не то

что в горы идти.

Увидев полный стакан воды, стоявший до сих пор нетронутым перед «кандидатом в туринструкторы», Михеев шагнул ближе к директорскому столу, взял емкость за граненые бока и выпил ее его содержимое залпом. А так как присутствующие продолжали таить молчание, с укором глядя на жаждущего, то и добавил извиняющимся тоном так, как будто уже все было решено в пользу его питомцев по туристическому кружку:

— Уже и билеты заказаны. В Рубцовске — на поезд до Бийска, оттуда — на автобус до самого Чибита.

В голосе чувствовались нотки гордости за собственную хозяйственность и предусмотрительность даже в дорожных мелочах.

— Снаряжение и провиант ребята уже получили. Завтрак — выезд.

Не ожидая даже и намека на возражение, он перевел взор с директора на своего «сменщика» в деле летнего активного оздоровления школьников:

— Ты не думай, Борис, мои ребята тебя не подведут. Все — как на подбор, что мальчишки, что девчонки.

После чего на стол были выброшены «kozyри»:

— Особенно постарались твои же любимчики

из стрелковой секции — Мишка Костромин с Татьяной Комаровой, да Вовка Шестаков. Они тебя еще больше потом порадуют.

Тут у травмированного физрука вновь появился серьезный союзник с не менее весомыми аргументами:

— Да и другие туристы опытные. Все заботы возьмут на себя, заявил Аверин, — Припасов хватит с избытком, деньги получены, не считая тех, что еще и родители собрали.

При этих словах, обладатель «гипсовой руки» неловко достал из накладного кармана рубашки плотный пакет:

— Вот маршрутная книжка и схема всего пути. Бумаги утверждены, комар носа не подтточит.

Тут Михеев вдруг сменил деловой тон на просящий:

— Ну, в крайнем случае, возьмете с собой в качестве провожатого, кого — нибудь из местных. И как проводника, и в роли погонщика вьючных лошадей. В Чибите такие имеются. И вообще — забот всего на каких — то там десять дней. Три дня — до озера, столько же — обратно, не считая отдыха на живописном месте. Позагораете. Рыбалка там, говорят, отменная. Ну, выручай...

То ли уговоры так подействовали, то ли Коротуну вдруг и самому захотелось ненадолго сменить свое привычное амплу — руководителя

начальной военной подготовки на работе и работяги «при жене» на приусадебном участке. Особенно там — где весь отпуск пришлось бы провести, вот как и Михееву — на поливе, да на прополке.

Так что, в конце — концов он позволил-таки себя уговорить.

Выцыганив, впрочем, неприменное условие, которое первым делом и поставил перед туристами и их родителями, собравшимися на «Автостанции», откуда уходил рейсовый автобус до ближайшего города — Рубцовска:

— При первом же «ЧП» — чрезвычайном происшествии, поворачиваем обратно, безо всяких там разговоров!

Все радостно согласились. Стараясь угодить великодушному человеку — новому руководителю похода:

— Лишь бы только он не переменял Коротун своего решения.

И вот, надо же, эта их готовность во всем слушаться старшего, выходила теперь боком, уже через несколько дней пути, на таежной тропе, когда все реально почувствовали вкус настоящего приключения:

— Того и гляди раздумает Борис Ефимович сам идти дальше и вести с собой подопечных?

Так и получилось.

Едва факт медвежьего визита по свойски, с привкусом мистики и суеверия прокомментировал старик Чепок, как бразды общего правления на маршруте взял на себя Коротун:

— Не только до завтра здесь торчать не будем, а сразу, прямо сейчас, повернем обратно!

Хотя солидно басил изрядно перепуганный и озадаченный происшествием педагог, но сам он уже чувствовал, как унимается противная дрожь в коленях.

— Коли здесь дикие медведи, как цирковые артисты по городскому проспекту шастают, то детям без оружия делать нечего! Нет, нельзя больше рисковать...

Его слова заставили школьников забыть и о разочаровании в проводнике, и о, только что перенесенном, испуге.

Самый бойкий их них — Михаил Костромин сбросил с себя маску прежнего абсолютного послушания и с упреками набросился на таежника с его замашками закоренелого поклонника всевозможной чертовщины:

— Ты бы, дядя Ваня, помолчал лучше. Или ответил — почему сам не стрелял в медведя. Что, ружьецо не заряжено?

Только явный сарказм, переполнявший огорченную душу юного критика различного рода суеверий, остался совершенно невоспринятым

объектом его устремления.

Проводник, не обращая внимания ни на слова взрослого «клиента», ни уж тем более — на упреки рядового школьника, продолжал, как будто ни в чем ни бывало, заниматься все тем же, что увлекло его при объявлении назапланированной дневки на месте встречи с необычным явлением.

Скинув с себя, гремящую как жечь, плащ-палатку, он аккуратно повесил ее на крепкий сучок ближайшего дерева. Где еще раньше уже успел примостить и свою старенькую двухстволку шестнадцатого калибра, с давно забытым другими, не современным — курковым механизмом боя.

После чего, двигаясь все так же невозмутимо, как заранее запрограммированная машина — робот, достал из алюминиевого узорчатого портсигара неизменную свою овальную сигарету — горлодер.

Прикурил ее от уголька, поднятого с не до конца, как оказалось, залитого водой костра. И в завершении действия с нескрываемым удовольствием выпустил струю дыма.

На чем и «прокололся», не добившись театрального эффекта законодателя таежной моды.

Крепко закашлялся.

Только и это не сбilo его с толку.

Уже без предисловия старик вернулся к ответу на возмущение Костромина:

— Заряжена двухстволка, как полагается,

картечью. Только никто бы в этого медведя не выстрелил. Так до самого места на него и зверь коготь не поднимет. Не его дичина, коли одет на зов самого.

— Кто это его мог позвать?

— К кому еще здешние медведи в гости ходят как Винни — Пух с Пятачком — к Кролику?

— Заливаешь ты, дедушка, нам как мальчикам каким?

Когда гомон возмущения стих, таежник, удобно устроившись на корточках возле кострища, поднял наверх — на туристов свои лукавые прищуренные глаза.

Но теперь разговаривал в основном не с ними, а уже только со своей ровней — еще одним взрослым в честной компании:

— Не сердчай, Борис Ефимович, на них. Ребята справные, пусть сходят на озеро, посмотрят на настоящую красоту. Не следует поход отменять! — после чего таежник для убедительности добавил. — Ручаюсь за то, что теперь насытился Кер-балык и до самой осени никого не потревожит. И этот мишка-амикан не в свой черед отправился завершать земной путь. Раньше-то, в разгар лета подобного не происходило. В основном — весной, да осенью, забирал он кого нужно — перед снегом. Видать, что — то случилось. Как у вас говорят...

Он вызывающе бросил взгляд на Костромина

с его незабытыми обвинениями в дремучести:

— Глобальное потепление. И на нас, очевидно, оно влияние теперь оказывает!

Старик досмолил «Астру» до самых черных ногтей на заскорузлых пальцах.

Поднялся на ноги, аккуратно втоптал окурок в землю носком кирзового сапога и заключил, как отрезал:

— Ставьте палатки, пусть просохнут после прошлого ночлега.

Переменчиво, оказывается, бывает настроение не только у подростков переходного возраста, оказавшихся на природе.

И Коротун уже пожалел о своей пылкости в отношении идеи прекращения пути. Что же тогда говорить о мальчишках с девчонками, переживших психологический переход от испуга к разочарованию и потом уже — ко всеобщей радости.

— Да и как им было не торжествовать от того, что поход продолжается. Порадовал к тому же неожиданный день отдыха при отличной погоде на ягодном месте!

В чем уже успели убедиться накануне, собирая в компот для ужина спелую малину и синебокую жимолость, уродившуюся, по мнению Чепокова, как никогда.

И теперь, хозяйственные Вовка Шестаков с

Борькой Малининым, подавая пример другим, отправились на заготовку дров.

Вскоре, следом за ними и Таня Комарова с подружками уже звенели голосами в зарослях ягодников, собирая дары тайги.

И только Мишка Костромин не знал куда девать, охватившие его, тревогу, озабоченность и одновременно любопытство.

Очень уж хотелось узнать:

— Что скрывается за словами старого охотника насчет неведомой очереди для зверья на поедание страшилищем? К которому на его глазах увела тропа могучего медведя?

Опять он не утерпел, пристал как банный лист к искусителю:

— Дядя Ваня, что это за «Балык» такой, который всеми повелевает и каждый его боится, да слушается?

Только проводник, собравшийся заняться серьезным делом — отвести на пастбище своих лошадей под присмотром умной собаки, не стал спешить с утолением любопытства того, кто буквально минуту назад обвинял его в отсталости.

Он укоризненно остановил собеседника:

— Ишь, какой приткий. Не спеши. Все доподлинно узнаете, когда время на то ваше придет.

— И когда же? — не сдавался Мишка.

— Да хотя бы и сегодня вечером! Когда вернусь обратно, подробно поведаю, ничего не утаю. — усмехнулся старик. — Так что попридержи вопросы до ужина.

Уже не оседывая свою ездовую кобылу, Чепокhov степенно увел под уздцы ее и другую — грузовую лошадь на луговину перед перевалом.

Туда, где посреди огромной заболоченной пустоши высилась, наподобие крепостного бастиона, одинокая скала с намалеванной на нем масляной краской «маркой» — указанием маршрута движения плановых туристов с республиканских турбаз.

К той поре уже успокоился, пришел в себя не только старик, но и отошли от шока все остальные.

До самого захода солнца жизнь на поляне напоминала разворошенный муравейник — от деятельности ребят, желавших стремглав выполнить любое задание инструктора, дабы он не сменил проявленную милость на безудержный гнев.

И в другом этот бивуак уже не походил на прежний — вчерашний с беззаботными обитателями.

Едва стемнело, уже никто не отваживался отходить далеко от света костра. Особенно в сторону перевала, куда утром ушел, увлеченный таинственным притяжением, бурый таежный великан, на которого нашлась еще более могучая

сила.

Способная, как выяснилось, подчинить себя все окружающее пространство.

Глава вторая

До того, как прослыть ретроградом — сторонником «бабушкиных сказок», Иван Карпович Чепокhov слыл среди приезжих личностью поистине легендарной. Во всяком случае именно он уже спасал экспедицию Коротуна.

Введь, вообще выход из поселка по направлению к горному озеру сельских школьников из степного Алтая мог бы вообще не состояться.

Возможно даже — к вящей радости неожиданного их руководителя.

И по приезду в Чибит, как и прежде, не имевшего особо страстного желания тащиться оттуда «к черту на кулички» пешком, а не преодолевая расстояния как обычно, на своем желтом «Жигуленке», любовно выпестованом Коротуном за годы обладания юркой легковушкой.

Тем более, что успел он намаяться в качестве пассажира, так, как и сулил отставной инструктор — Михеев:

— К цели добираться ему со школьниками пришлось на переклажных — автобусом, поездом и снова автобусом.

Настроение не поднялось за то время, пока ехали уже по Чуйскому тракту от самого Бийска компаниеи, гомонящей по любому поводу.

Чего, впрочем, и следовало ожидать от оравы ребятни из числа старшеклассников, выбравшихся из — под навязчивой родительской опеки на вольную волю.

Ту самую, каждый новый день которой все сильнее омрачал командировку Бориса Ефимовича.

Тогда, перед прощанием с цивилизацией, еще более не прибавила ему настроения и промежуточная остановка у Чебита маршрутного автобуса, следовавшего далее до райцентра Улаган.

Уж очень мрачным, особенно, при их высадке с «ПАЗика» — в вечерний час, было ущелье у быстрой горной реки, подпертое к ледяной Чуе огромной лысой горой.

И эта настороженность самой природы стало первым «знаком свыше» для новоявленных путешественников.

Особенно для одного — взрослого, не удосужившегося подумать о том, что шутки на этом месте закончились окончательно и пора наступает нести настоящие дорожные тяготы.

Зато иное показали подопечные военрука, на лето разжалованного в турорганизаторы. Они наглядно убедили Коротуна в том, что действительно, а не на словах основательно

подготовились к походу в горы.

Не дожидаясь особых распоряжений педагога, парни и девчата быстро поставили на речном берегу брезентовые палатки.

Накрыли их парусину кусками полиэтиленовой пленки — на случай возможной непогоды.

После чего принялись стаскивать ото всюду ветки, поленья, чурбаки и все остальное, годное для костра.

Возле которого уже колдовали дневальные, разводя сухое молоко для какао и вспарывая ножами консервные банки, определенные под готовку рисовой каши.

Однако ужин, хотя и в горах, был приготовлен не полностью «по — туристски», а с использованием остатков роскоши — даров цивилизации.

В виде того же хлеба из продуктовой сети предыдущего райцентра, где автобус делал остановку.

Не отказались юные путешественники и от молока с творогом, предложенных по сходной цене здешними — уже поселковыми хозяйками.

Но и такая еда приободрила всех.

Даже явного новичка походной жизни — педагога, вселив в Коротуна веру в то, что уже ничто не помешает им на следующее утро

пуститься в путь по тропе.

Той самой, что так призывно уходила от их места у моста через Чую прямо в зеленые заросли кустарника.

Сплошной стеной покрывавшего высокий массив подножия, первого в их жизни, пусть и не категорийного, перевала.

Тем временем, наступившая вокруг темнота, словно подшпорила усталость, разом вдруг навалившуюся на ребятишек, сменивших несколько транспортных средств, перед тем, как оказаться на месте своих давних мечтаний.

Все — вместе взятое сделало свое дело.

Лагерь гомонился не долго.

Затих на сон еще до того, как погасли последние огоньки в окнах домов самых отъявленных полуночников из числа местных жителей.

Где-то еще бродили припозднившиеся гости, а в небольшом палаточном городке уже посапывали в своих спальных мешках юные естествоиспытатели, набираясь сил к предстоящим испытаниям.

Катастрофа едва не случилась на утро, когда, позавтракав остатками вечерешней — «цивильной пищи», все собрали рюкзаки и, уложив в чехлы палатки, уселись «на дорожку».

Заодно ожидая указаний от руководителя, хранившего при себе главную ценность — путевую

карту.

Большое полотно, вручную перечерченное с другой карты на кальку, оно было за зиму учено-переучено до буковки, до каждого топографического значка на занятиях в кружке туристов.

Так что все ожидали ее появление на свет как старого, доброго знакомого, переданого военруку Михеевым лишь на временное пользование при передаче дел от травмированного преподавателя физкультуры.

Борис Ефимович, понимая важность момента, с должным почтением отнесся тогда к бумагам: и к маршрутному листу, заверенному печатью ближайшей от их села «Маршрутно-квалификационной комиссии» — города Рубцовска, и к «нитке» путешествия, набросанной поверх географических символов — отрогов, гор, речек и прочих препятствий на протяжении от Чибита до озера Шавлинского.

Содержимое пакета еще у себя дома он разделил поровну. Обернув каждый документ для пущей надежности плотным полиэтиленом.

Но если маршрутный лист требовался постоянно, при посадке с одного транспортного средства на другое, то карта только теперь должна была начать свою «работу».

И не начала.

— Помню, что прятал ее подальше в своих вещах, чтобы поближе забрать, и вот на тебе! — не столько других, сколько самого себя сконфуженно уверял теперь Коротун, все более виновато роясь в личном рюкзаке. — Где-то она должна быть?

Он ошибался.

Сколько не перетряхивал вещи, пакета с картой в них не нашлось.

Забытая дома учителем, она уже ничем не могла помочь туристам, лишившимся после долгой дороги последнего шанса вкушать таежной экзотики.

Несказанно расстроенным при этом оказался, наряду с приезжими и их пожилой «коновод» Иван Карпович Чепок, накануне нанятый Коротуном для того, чтобы на своих лошадях он помог доставить часть груза туристов до горного озера.

В точности, как ему это посоветовал физрук Михеев, еще в деревне делясь опытом подобных детских походов.

Долго упрашивать при найме старого охотника Борису Ефимовичу не пришлось.

Он уже давно привык считать:

— Денежки за подобную работу.

Потому сумма, обещенная новыми клиентами, была учтена в чередѣ расходов на многочисленных внуков, собиравшихся в школу.

— Как вот эти — заезжие сорванцы из, явно,

обеспеченных семей, которых следовало обслужить во время каникул.

И тут, как на грех, надо же было случиться такой неприятности:

— Взлослый человек забыл дома важнейшую вещь — карту пути.

— Никуда не пойдем, — нахмурился тогда в первый раз Коротун, поняв, что дальнейший поиск, конечно же, оставленного дома при сборах, пакета с картой, ни к чему путному не приведет. — Нельзя соваться в места, о которых теперь не будет и малейшего представления.

Шум возмущения, тоже в первый раз, поднялся такой, что сулил окончательно и безповоротно похоронить, и без того висевший на волоске, авторитет новоявленного туринструктора в глазах его учеников:

— И, возможно, даже перерасти в бунт!

Кабы на выручку своему новому работодателю не пришел, накануне нанятый тем, проводник:

— Почему это не имеется представления о пути следований? — возразил Иван Карпович. — Я вас доведу без проблем, до туда, докуда условились. Ну а потом пойдете самостоятельно. По карте, что дам вам во временное пользование.

Такого вопля счастливых обладателей, ломающихся от взросления, голосов наверное, еще

не знавали горы, возвышавшиеся над поселком.

Не говоря уже о тех старожилах, кто в этот утренний час выгонял пастись коров и коз на пастбища за околицей.

В том числе и на луговину, теперь освобождаемую временными поночевщиками.

Сняв тогда с седла мешок с поклажей, Чепокос поскакал к себе домой, где под стрехой рубленой избушки, давным-давно хранились вещи, прежде не нужные в хозяйстве, но, как оказалось, лишь ожидавшие своего часа.

И он пробил, на дав сорваться выгодному для старика заказу.

Обратно конник вернулся, размеренной иноходью, уверенно правя лошадью левой рукой, тогда как правой бережно прижимал к себе, заскорузлую от времени, полевую сумку-планшет военного образца, какие были особенно в ходу в годы последней по счету мировой войны.

Спрыгнув на землю, Чепокос открыл свое сокровище.

Откуда достал несколько, пожелтевших от старости, географических карт. В том числе и нужную в предстоящей дороге.

В чем и убедились туристы, разглядев на одном из листов, выполненных вручную, знакомые очертания хребтов, речек и главное — контуры озера.

— Не сомневайтесь, все как в аптеке, знающий человек чертил. Можно сказать, мирового уровня ученый, — похвалился Иван Карпович. — И у вас, вряд ли была карта пути лучше этой.

Последнее можно было и не говорить.

Все и так по достоинству успели оценить, свалившееся на их головы, счастье.

— Откуда такая роскошь? — снова обрел интерес в походе Коротун, больше относясь к самой полевой офицерской сумке проводника.

Хотя именно ее имел в виду только он один.

Тогда как все остальные еще с долей недоверия пялился на хрупкое от ветхости бумажное полотно с топографическими символами.

— Мало ли откуда? — уклончиво ответил тогда Чепок. — Главное, что имеется в наличии.

Зато продемонстрировал беспримерную щедрость:

— Пользуйтесь, говорю, пока будет нужно. Лишь бы, по возвращению, занесли обратно, тем более, что и адрес теперь знаете.

История происхождения карты вскоре потеряла прежний интерес.

Слишком много другого занимательного довелось услышать школьникам от своего многоопытного в житейском и охотничьем плане проводника.

И особенно жаждали спутники от него:

— Обещенного объяснения истории с беспечным медведем!

Так поразившим всех, включая животных, когда счастливой трусцой тот прошествовал мимо их бивуака в сторону озера.

Куда Иван Карпович потом не пожелал двигаться, по меньшей мере, в ближайшие сутки.

— Не то сами попадемся, как этот медведь, на зов Кер-балыка, — совсем не шутя, остерег охотник и вечером.

Когда после встречи со зверем собрался поведать ребятам у костра о самой страшной легенде, окутывавшей озеро:

— Куда проедстояло все же идти по следам бурого исполина.

Глава третья

Девятый класс своей сельской школы Мишка Костромин окончил, в общем-то, вполне успешно.

Хотя не обошлось у него и без пары троек — в основном по точным предметам, к которым он сызмальства не питал особой приязни.

Зато теперь обладал он в свидетельстве об образовании несколькими твердыми пятерками во всем, что касалось естественных наук.

Да и другие его сверстники имели знания не хуже мишкиных и не только по географии. Потому,

числясь, по крайней мере, «начальными теоретиками», все они явно не подобающим образом встретили долгожданный вечерний рассказ Ивана Карповича. Скептически отнесясь к его мнению о сути причин, будто бы заставивших группу совершить незапланированную дневку перед взлетом тропы на седловину перевала Орой. Рвались куда уже потому, что был он первым в их туристской карьере.

Тому недоверию были и свои веские причины.

Уж больно удивительные сравнения приводил проводник, утверждая, что там — за одинокой скалой на перевальном гребне Ороя начинается особая территория — «Можжевеловый сокровенный Алтай».

Уникальная невидимая область, раскинувшаяся, по утверждению шаманов, рядом с пупом Земли и Неба.

— Что смеетесь, бесенята! — вовсе не обиделся Чепок на взрыв хохота, после этих его слов, раздавшийся у костра. — Сами, что не видите, как весь мир устроен по образу и подобию творца.

Только из-за жалости к своему незадачливому рассказчику посерьезнели школьники. Правда, еще долго внимали тому, что несли уста Чепоква. «Наматывали на ус», как велел проводник, спорные истины того, что будто бы у всего в тайге есть свои лопатки, подмышки.

— Да и тот же самый пуп, — снова повторил Иван Карпович.

Только уже без прежнего хохота слушателей.

Что позволило ему сразу же привести несколько наглядных примеров из окружающей действительности, когда голова, плечи и туловище оказались, по его словам, присущи множеству гор, хребтов и просто скалам, разбросанным всюду, куда не глянешь пытливым взором.

— Уже завтра мы вступим в вотчину главного из земных духов Дьер-су. — монотонно, не сбиваясь с ритма, становившейся все более занимательной, легенды, продолжил он, как оказалось, излюбленную тему.

И так — слово за слово рассказчик довел почти до самого конца свое интересное, хотя и не основанное ни на каких научных данных, повествование.

— Вот дойдем до молочного озера, где живет Кер-балык, увидим гору — прародительницу Тезимбай с резиденцией Божества, а рядом с ней стоят и две вершины пониже, где обитают дочери Владыки.

И опять за язык потянуло одного только неугомонного Костромина:

— Дядя Ваня, так это и будут знаменитые вершины Сказка, Шавла и Красавица.

Только он не мог утерпеть от такого

восклицания, увлекшись откровениями таежника:

— Выходит, в самом озере и водится чудище.

И только Татьяна Комарова, не в тон ему, добавила здорового скептицизма:

— Прямо Лох-Несс какой-то.

Она заливисто расхохоталась:

— Держите меня, а то упаду от страха.

Но ее никто не поддержал.

Больше жаждали продолжения истории от своего основного рассказчика.

Одновременно помогая слушателям разбираться в сложных понятиях местного наречия, Чепок, между тем, упрощал их на собственный лад, пока не добился неожиданного, прямо противоположного эффекта.

Мишка Костромин проявив этимологический талант, внезапно стал открывателем нового названия здешнего алтайского «Несси»:

— Коли называется горное озеро «Молочным», то и обитает в нем ни какая-то там шотландская рептилия, а самая настоящая, нашенская — «Шавлинская корова»!

Тут уже Иван Карпович не выдержал подобной легкомысленной интерпритации его вполне серьезного рассказа:

— Сам ты — корова!

Он поднялся на ноги, громыхая при каждом движении своим «хламидообразным» брезентовым

дождевиком:

— Посмотрим еще, как поведете себя в священном месте!

Эффект получился соответствующий.

Все притихли, разом вспомнив, что уже утром им идти туда, куда даже дикие звери, как оказалось, спешат точно по неведомому расписанию:

— И не на прогулку, а чтобы уже никогда не вернуться обратно.

Старик, тем временем, дал понять, что разговор окончен.

Бросив в огонь окурок, последний за этот вечер, сигареты, он придостерег собеседников от непоправимой ошибки:

— Негоже более спорить насчет веры в Создателя. Каждый сам и в свое время до нее должен дойти!

Поддержал проводника и Борис Ефимович:

— Совсем, граждане, уважение к ветерану потеряли. — укорил он подопечных. — Так нельзя. А еще — будущие солдаты!

Он и далее применил свой былой военный опыт, зычно рыкнув на подчиненных, как сержант на плацу:

— Марш по местам! Побудка будет ранней.

Впрочем, эта команда оказалась действительно:

— В самый раз.

Потому, что легенда и в самом деле затянулась сверх положенного времени и действительно, пора было отправляться на ночлег.

Больше ничего сверхординарного в том походе не случилось.

Чепок, в компании своих лошадей и неизменного спутника — лайки Керзона, простился с туристами уже на озере, куда доставил группу в целости и сохранности:

— Как и обещал.

Имелся у него, позднее выяснилось, вполне уважительный повод для того, чтобы не мешать отдыху ребятни на священном месте, где бы он сам, конечно же — не позволил им лишнего.

Оказывается, ждали старика на заветных полянах созревшие дикоросы.

Заготовкой которых он издавна занимался по договору с бийскими фармацевтами, забиравшими все под чистую, что ему удавалось запасти за сезон в тайге.

— Мне пора! До вечерней росы нужно добраться к соседнему урочищу, чтобы кое-что собрать, дабы день не пропал, — заявил дядя Иван. — Только теперь я вам уже и не особо нужен.

Эти слова подкрепил вполне житейским рассуждением:

— Продукты на месте подъедите, так что возвращаться будете налегке. Прямо по знакомой

тропе.

И, вполне уважительно отнесся к туристской подготовке школьников:

— Что по ней обратиться в поселок не вернуться.

После чего, получив полный расчет за работу с Коротуна, все же подстраховался от всякой ошибки на конечном участке маршрута:

— Карту, как раньше и обещал, оставляю вам до самого Чебита, — говорил теперь без тени улыбки, что называется, на полном серьезе. — Она выведет, не даст проскочить поворот к реке с перевала Орой. Других опасностей не предвидится.

Но, вопреки ожиданиям учителя, таежник протянул заветную полевую сумку с картой маршрута вовсе не ему, а самому смышленому, на собственный взгляд, хотя и ершистому не в меру, помощнику:

— Доверяю документы тебе, Михаил. Ты уж их наверняка нигде не позабудешь, как некоторые.

Обидное недоверие не могло не покоробить прямую, как «Устав военной службы» душу военрука.

Только забылось оно почти мгновенно, потому, что в ту пору иные чувства уже заполнили Бориса Ефимовича всего без остатка.

Он, как и другие был покорен и ошеломлен окружающей природой.

Недаром снискавшей славу и даже титул «Чемпион красоты» у самых знаменитых, бывавших здесь, путешественников.

Сверху к озеру — со стороны трех величественных заснеженных вершин, названных в чепоковской легенде «обителью Дьер-суу», спустилась большая группа туристов.

По их словам:

— Прошедшая перевал Абыл-оюк со стороны реки Карагем.

Связывавшей эти Северо-Чуйские белки не только с Южно-Чуйскими, но и самым главным на Алтае — Катунским ледовым массивом.

— Подобного нет больше по всей Сибири! — заявил руководитель группы, знакомясь со своим коллегой, занимавшемся с совсем юными туристами.

Гордые уже совершенным горным переходом, пришлые путешественники остановились на озере надолго.

Не сетуя даже на то, что лучшее место для лагеря уже заняли подростки.

Главным было то, что банька, сооруженная из подручных материалов, обслуживала всех без исключения, кто не жалел сил на заготовку дров в каменную печь из валунов и воды в ржавые тазы, невесть откуда оказавшиеся в таком отдалении от обычного людского жилья.

Потом прибыли другие гости.

Еще более охочие до красот. В своих городах прослышавшие о чудесном месте в горах Алтая, и не разочаровавшиеся в увиденном на месте.

И все они, на вечерних посиделках у костра, с уважением поглядывали на «матерого» туриста Коротуна, с воодушевлением и в лицах щедро пересказывавшего все то, что недавно услышал от проводника и чему лично был свидетелем.

То и дело заставляя слушателей недоверчиво оглядываться на озерную гладь, всегда спокойно отражающую в себе, словно в волшебном зеркале, трезубец легендарных вершин с подпирающими из ледниками.

— Чья белизна и дала, — видимо. — Право озеру называться озеру «Молочным».

За этими беседами и сами юные сельские путешественники уверовали в здешнего подземного духа Темиркана, как и в других созданий.

Всерьез стали воспринимать даже собственную выдумку насчет «Шавлинской коровы».

Которую уже считали:

— Чуть ли не проявлением старинного фольклора, как и всего остального-прочего.

При том, жалостливой Татьяне Комаровой оставалось только радоваться за старика Чепокова, что он не слышал и не мог обижаться за своих

недолгих знакомцев:

— Слишком уж смело, без оглядки на «первоисточник» переиначивавших по — своему, с точки зрения современной географии и биологии все, о чем он им рассказывал, доверяя насмешникам канонические сюжеты местных мифов.

Да и как ей было не стыдиться нахальности сверстников, бесцеремонно вломившихся в мир легенд и мифов округи?

Ведь, пережив века, те вдруг стали видоизменяться под дерзкой фантазией беспечных старшеклассников, не боявшихся того, что их веселый треп, в том числе и с «ужасными подробностями» о местном страшилище, может дойти до ушей того самого, кто, по сказаниям, «стопроцентно» обитал в глубине озера.

И тем более новички на этом берегу начинали верить в логово «Шавлинской коровы» под толщей горы, высившейся на левом берегу, покрытом для возможных исследователей неприступной осыпью песчаника.

До сих пор эта «сыпуха» не позволявшей никому даже на плоту причалить там, чтобы получше изучить, хотя бы ту небольшую пещеру, что зияла черным провалом много выше водного уреза.

Откуда скатился с риском для жизни некий смельчак, пытавшийся подняться по «живой»

осыпи, чтобы запастись в пещерке лечебным чудодейственным средством — мумием, продуктом жизнедеятельности летучих мышей, должных обитать в подобных местах.

Глава четвертая

...Как ни красиво Шавлинское озеро, но еще более вилочия ему придает то, что сам водоем существует не в единственном числе.

Так — «озером» называют его главное «блюдец» на средней части ущелья. Тогда как само ожерелье удивительных «зеркал» начинается гораздо выше — от моренного озера, потом «каменного», в окружении огромных гранитных валунов-курумов.

От куда спешит вниз водопадом белая, насыщенная известняком, талая ледниковая вода, в основном собой питающая главную акваторию.

И ниже «чемпиона красоты» плещется его — не многим менее яркое подобие.

Уже образованное на месте слияния реки Шавла с течением талой воды от соседнего ледника, известного туристам связкой, крайне опасных, категорийных перевалов «Орбита» и «Москвич».

Унесших за годы туристических походов через них жизни многих беспечных восходителей.

О чем напоминают на седловинах мемориальные таблички в честь погибших туристов и альпинистов.

Обо всем этом можно было говорить часами у вечернего костра за кружкой крепкого чая. Сдобренного листьями смородины, бадана или корешком Родиолы розовой.

Чем и увлекся Коротун, скрашивая свою воспитательную функцию с общением настоящих собеседников:

— Не сопливой шпаны, досаждавшей педагога своим неумным желанием познать окружающий мир.

К тому же и сам Борис Ефимович был не прочь послушать тех, кто проходил настоящими маршрутами, а не таким как он — с проводником и конной доставкой рюкзаков.

Тем более, что рассказов бывалых путешественников о местных достопримечательностях хватило бы еще надолго.

Вдобавок к тем, что прозвучали у озера, благодаря тому, что отдыхали там мальчишки и девчонки со Степного Алтая. В своих выдумках впадавшие порой в такой раж, что и не скрывали усмешек по поводу своих прежних страхов и былого почтения к местным духам.

Уже ничего не опасаясь, они досконально облазили все вокруг.

Днем, когда ничего другого ему не оставалось, вместе с ними, вынужден был мерить тропу вдоль правой — хоженной береговой черты и руководитель.

Он это и делал, когда уходили очередные группы туристов.

— В одиночестве, — не признаваясь даже себе в том. — Оставаться Борис Ефимович рядом с озером остерегался.

Хотя и хохотал в кругу ребят над очередными новичками, которых удавалось напугать Кер-балыком.

Про себя он не мог отделаться от неверия убежденности Чепокова в том, что одного медведя вполне хватит чудищу на ближайшее время:

— Кто его знает, кого еще может приманить неведомая сила к озеру?

Ведь в заявлении старика об утолении аппетита Кер — балыком учитель не находил главного:

— Достоверных фактов и о том, что именно здесь и исчез тот самый амикан — топтыгин.

И наоборот:

— Что его никогда здесь не было и спешил бурый вовсе не сюда, как говорил проводник, а совсем в другое место и по собственным потребностям.

Оставаться же на озере дольше того, что было

по душе Коротуну, заставлял сбор подопечными фотографического материала и гербария для будущего отчета о путешествии.

И все же, бразды неофициального «правления» в группе, с уходом проводника, перешли, как то, сами собой, к тому, кто нацепил, доверенную дядей Ваней, старую — заслуженную полевую сумку с рукописной картой местности.

Тем более, что Костромин не злоупотреблял доверием не только взрослого руководителя, но и своих сверстников по туристскому школьному кружку краеведов.

Раньше других Мишка поднимался, чтобы, вместе с дежурными, развести костер и приготовить завтрак.

Менял купание и загар в жаркий полдень на кулинарные изыски. Готовя с дневальными обед, а там и ужин:

— Чтобы всем было сытно и хорошо.

Впрочем, другие тоже не сачковали.

Все вместе — мальчишки и девчонки готовили запасы дров, чтобы хватило и на день и на вечерние посиделки.

Сообща же помогали отрядному «главному биологу» — Татьяне Комаровой собирать в гербарий самые интересные растения округи.

Ради чего совершали даже неблизкие отлучки от бивака.

В ходе которых неизменно приносили и более существенную добычу — ягоды и грибы на пропитание.

Крайне способствовавшие скрашеванию «консервированного» меню из жестяных банок и мешков с пшеном и рисом.

Благо, что эти летом в тайге и маслят с сыроежками уродилось немерено.

Да и жимолость с малиной не подвели. Позволяя делать постоянный выбор между кампотом их них или киселем.

Не говоря уже о все том же «фирменном» чае, заваренном уже с листьями черной смородины или бадана.

Наряду с Костроминым поварские обязанности исправно несли закадычные его приятели — Вовчик Шестаков с Борисом Малининым.

Попутно наладившие для общей кухни знатную рыбную ловлю.

Что ни день они притаскивали на разделку целын сниски хариуса, годившегося, правда, в основном на уху:

— За неимением у путешественников лишних запасов подсолнечного масла для жарехи или соли для вяления.

Обилие рыбы в озере еще раз убеждало ребят в том, что сильно преувеличивал, если уже только

не врал им «заслуженный мифотворец» Чепокон насчет мифического духа озера, называемого теперь не иначе, как Шавлинской коровой.

Потом уже, когда начала портиться погода, кому — то из них пришла на ум непростая мысль:

— Связать начавшиеся дожди с этой ребячьей разнузданностью.

Но ее отбросили не обсуждая — как совершенно никчемную:

— Погода в горах всегда капризная. Были, на радость всем, ясные деньки, теперь вот наступили промозглые. Что тут поделаешь, кроме одного — пора возвращаться домой — в обжитые места!

Пережив один дождливый день и увидев похожее начало следующего, группа наконец-то снялась с места.

Так и возвращались туристы обратно под неиссякаемую небесную головомойку. Как оказалось, испортившую не только отдых им, но и порушившую хозяйственные работы местным жителям.

В основном своим нудным, мелким дождичком, метко названным, еще издавна недовольными старожилками — «сеногноем».

Сырость прогнала из тайги не только пришлый легкомысленный люд, косарей для личного подворья, но и более серьезных и основательных добытчиков ее даров —

заготовителей дикоросов.

В числе которых на альпийских лугах уже не один десяток лет промышлял добычей корней — золотого, красного и маральего один из уважаемых промысловиков Чибита — Иван Карпович Чепокос.

И он вернулся домой, как и прочие.

На своей «конной тяге», правда, ненадолго опередив временных обладателей его бумаг из далекого прошлого — клиентов по заброске грузов на горное озеро.

Они же, в свою очередь, не забыли, данного ему обещания:

— Вернуть временный дар в целостности и сохранности.

Поставив у моста через реку Чуя палаточный лагерь и организовав приготовление ужина, Мишка с приятелями отправились по знакомому адресу, названному им Иваном Карповичем при расставании.

В центре поселка, над его островерхой, крытой листовиничной корой, крышей рубленого из бревен чадыр — аила домовита курился дымок.

Само строение прилепилось на подворье к обычному пятистенку, как это испокон веков стало обычным делом на алтайских усадьбах.

Но и здесь основная летняя жизнь протекала именно в национальной «летней кухне», приспособленной хозяином для всего, чем он

только ни занимался.

Туда и решили напрямик направиться школьники, когда подошли к нужному особняку.

Еще и обрадовавшись при этом:

— Не придется обращаться к незнакомым людям — соседям Чепокова с навязчивой просьбой о передаче старику полевой сумки.

Сам же он теперь казался приезжим туристам чуть ли не родной душой. После всего, что встретилось им на таежном пути их совместного путешествия.

Откинув проволочное кольцо с дощатой калитки, Мишка, в сопровождении своих друзей — одноклассников, смело шагнул на приветливый лай неугомонного Керзона, дружелюбным влиянием «хвоста колечком» выдававшего, доброе к ним отношение.

Показалось даже, что узнали гостей и умиротворенные лошади, под навесом из жердей жевавшие из кормушки что — то вкусное.

И только в соседних дворах живность иначе поняла веселый гомон из ограды владений Чепокова.

Соседские собаки подняли такую перебранку, что на нее откликнулись и перепуганные куры, да гуси, устроившие своеобразное состязание в голосистости.

Этот ожесточенный «перебрех» принял вдруг

такие размеры, что выманил наружу из аила и самого Ивана Карповича, безошибочно определившего личности своих посетителей.

— Вот и замечательно, что сумку принесли. Не подвели старика! — похвалил он, выглянув навстречу из, широко распахнутых, дверей.

Только и теперь он оставался, как прежде — крайне практичным и рассудительным. Не стал подставляться под струи бесконечного дождя.

Просто поманил к себе ребят взмахом руки.

После чего снова исчез внутри, жарко натопленного, помещения.

Те же не замедлили воспользоваться гостепреимством.

— Да и как иначе.

Сама сумка еще оставалась на руках и под докучливый надзор Коротуна не нужно было спешить.

И вообще — времени свободного имелось:

— Хоть отбавляй.

Никто не торопил их обратно в палаточный лагерь, разбитый на прежнем месте — на околице поселка.

Как никак:

— На последний в этот день автобус до столичной автостанции Горно-Алтайска они сегодня уже давно опоздали.

И пока другие составляли компанию их

дотошному и в мелочах, педагогу, у мишкиной компании появилась отличная возможность поближе познакомиться с бытом местных жителей.

И от такого шанса старшекласники не отказались.

В полумраке круглого, по периметру, выложенного из струганых бревен, строения было очень тепло и сильно пахло аптекой.

Причина чего видна была и невооруженным глазом:

— От множества корней, развешанных под крышей на просушку.

А еще же к их пряным запахам примешывался едкий дымок от костра, горевшего посредине летней временки в очаге под громадным котлом-казаном из чугуна с каким-то варевом.

Щедро источавшим, душераздерающе-вкусные оттенки в окружающую «предужинную» обстановку.

— Не иначе, как свежена готовится, — понимающе кивнул Костромин друзьям на перья лесных птиц.

Что торчали прямо из ведра у порога, с выпотрошенными в жестяную оцинкованную емкость внутренностями таежной дичи.

Чепок и не думал скрывать факт удачной стрельбы, случившейся у него на самом подходе к поселку:

— Не с пустыми словами встречаю.

Он радушно развел руками:

— Будем ужинать. Вы, как раз очень вовремя.

В продолжении своего хлебосольства, старик заботливо рассадил визитеров на, казавшимися бесконечными, лавках, устроенных вдоль сплошной стены.

После чего загремел на высокой полке полке под самым верхом аила, доставаемой от туда, кухонной посудой.

И дальше у туристов было еще немного времени посидеть в тишине, оглядываясь по сторонам, пока, не отвлекаясь более на пустяки, таежник орудовал у котла.

Лишь потом он вернулся к столу, чтобы острым ножом нарезать толстыми ломтями на всех краюху хлеба.

И вот тогда настала пора главного действия.

Хозяин разложил по эмалированным мискам деревянные, некрашенные ложки, как видно, собственного производства.

Происходило все так рачительно, что у Костромина окончательно созрела и вполне окрепла к реальному действию мысль, значительную часть похода не выходившая у него из головы:

— Дядя Иван, а откуда у Вас появилась такая отличная карта?

Он невольно глянул на вешалку у входа в аил.

Там, на длинном тонком ремешке уже весела, только что возвращенная им старику, полевая сумка.

Особенно казавшаяся теперь чуждой в простом деревенском мирном обиходе, своей — явной армейской принадлежностью.

— Что же не рассказать!

Иван Карпович, довольный вкусом получившегося шулюма, отхлебнул его пробную ложку:

— За едой и побалакаем.

Глава пятая

...На войну Ивашка Чепокос не попал по возрасту.

Но с фронтовиками, досыта хлебнувшими в окопах пороху, ему пришлось общаться много и довольно плотно.

Случалось это в основном в лагерном пункте, коих, как и по соседству, немало было разбросано вдоль строящегося современного проезжего полотна Чуйского тракта.

Его обитателей — заключенных, превращенных по воле Государства в дармовых дорожных рабочих, выводили на объекты под прицелом других бывших окопников. Солдат, вооруженных некогда трехлинейными винтовками,

а уже после Победы, получивших и автоматическое оружие — пистолет — пулеметы системы Шпагина. Так называемые «ППШ» — легендарные уже к тому времени, автоматы с груглыми магазинами для патронов.

Только были и такие, кто не боялся попасть на мушку конвоира.

Почти всегда рядом с заключенными, на земляных «копательных» операциях оказывались заняты вольнонаемные чибитцы:

— Отрабатывавшие там — как колхозные трудодни, так и обязательную трудовую повинность.

И вот среди них уже никто дотошно не интересовался:

— Возрастом местного паренька-сироты, отправленного на тракт вместе со взрослыми по сельсоветской разнорядке.

Самого Чепокова при этом больше влекло иное занятие, чем махание киркой или катание тяжелой тачки с грунтом.

Его, совершенно по делу, в основном стали привлекать к решению продовольственных вопросов.

Когда бригадир направлял паренька добывать провиант для артельного котлопункта, прознав про уникальные знания юного охотника секретов окружающей тайги.

И он реальным делом подтверждал эту свою — вполне взрослую репутацию. Что ни день, хвалился конкретными результатами:

— Никогда не возвращаясь обратно с пустыми руками.

При этом еще и очень экономно расходуя на дичь пороховые заряды дедовского дробовичка.

Этот охотничий дар особенно пригодился с появлением в поселке еще и топографической партии.

Ее коллектив не только уточнял привязку тракта к существующим картам, но и получил важнейший заказ на изыскания непосредственно по всему горному району.

Когда развернулись полномасштабные работы, штатных специалистов — топографов стало не хватать.

Потому их число разбавили теми, кто мог оказаться полезным при топографической съемке местности — проводниками из числа местных жителей и подсобными рабочими — заключенными, имевшими хотя бы какой — то навык подобной деятельности.

В одной такой полевой экспедиции и оказались вместе — ее руководитель — новоиспеченный техник-лейтенант Игорь Сергеевич Поляков, подсобник из числа вольнонаемных Ванятка Чепок и «враг народа»

— пожилой уже зек с замашками кадрового военного, вовсе не утраченными за время, проведенное в неволе на каторжном труде.

Он не только назвал при знакомстве свой лагерный номер и статью «Уголовного кодекса», по которой оказался в здешних краях, но и степенно представился Сергеем Львовичем Дауровым, когда пришлось им вместе выходить в тайгу.

Картографическая съемка местности тогда велась компанией, что называется, ни шатко — ни валко. Обещая растянуться на необозримое будущее:

— Тем самым, — к огорчению изыскателей. — Нарушив все мыслимые планы, опущенные «сверху» военным топографам.

Но тому были и весомые причины:

— Начиная с кадрового голода и заканчивая недостаточным материальным и техническим обеспечением.

И вдруг, после затяжных дождей, буквально заставивших свернуть полевые изыскания основной части сезона, Дауров решил намекнуть на иной выход из ситуации.

Разговорился, будто невзначай на отвлеченную, но очень похожую тему. Дескать:

— Готов лично помочь продвинуться вперед в составлении карты, при обещании, разумеется, пересмотра его уголовного дела.

Уверенности добавляло каторжнику уже то, что у него, оказывается, имелись дополнительные материалы от предыдущих картографов.

О чем зэк и рассказал своему молодому начальнику.

Не верить бывшему майору органов госбезопасности Поляков не мог:

— По «Личному делу», изученному ранее, — он уже знал всю подноготную подчиненного.

Был осведомлен о том, что по собственной инициативе Дауров прежде занимался тем, что сейчас велось на государственном уровне — изучением тайги и гор обширного Сибирского региона.

А еще из-за этого, как выяснилось:

— Майор и карьерой поплатился. Попал под военный трибунал.

О чем, в час откровения и поведал коллегам Сергей Львович, понимая, что отказ от его особых услуг может перечеркнуть все планы на скорейшее освобождение:

— А все — господин Оссендовский!

При упоминании фамилии ненавистного человека, едва ли не зубами заскрежетал рассказчик:

— Добирался до него, гада, четверть века, но не успел, другие опередили.

Глава шестая

...Ночью улицы Берлина превращаются в мышеловку для всякого, кто покинул бетонную нору бомбоубежища.

Налеты следуют один за другим, и не успевают зенитные батареи обляять первую волну «летающих крепостей», как ей на смену накатывает другая, щедро высыпая из вместительных бомболок на головы жителей третьего рейха все новые и новые «рождественские» подарки.

Но на этот раз вроде бы пронесло.

Ковер разрывов ложится где-то далеко на окраине и здесь, в центре столицы лишь вееры осколков от зенитных снарядов звенят битым оконным стеклом.

— Теперь проскочим, слава богу, эти педантичные янки «работают по графику», и у нас в запасе минимум полчаса.

Отвернув обшлаг рукава кожаного пальто и, глянув на светящийся циферблат часов, советник Ласнер дает команду:

— Двигаемся дальше!

Их мощный «хорьх», только было спрятавшийся под вместительной стрехой подворотни, громко газанув, выруливает на проспект.

Но продвинуться удалось немного.

Фары, подслеповатые от надвинутых на них синих «намордников» светомаскировки, тычутся лучами сначала в завал кирпичной крошки, потом упираются в опущенную жердь полосатого шлагбаума.

— Проезд закрыт. Предъявите документы, — коренастый фельдфебель с подковообразной бляхой полевой жандармерии на груди, промокшей под морозящим дождем шинели, наводит на пассажиров остановленного автомобиля луч карманного фонаря.

После чего, разглядев пассажиров, просит прощения:

— Извините, мой генерал, но таков порядок.

Зато, сверив протянутый документ с личностью советника Ласнера, жандарм уже не столь пристально изучает и путевой лист водителя, и удостоверение второго пассажира «хорьха» — оберштурмфюрера Курта Штернберга:

— Можете ехать. Но все же должен предупредить об опасности, — в лесах рыщут банды русских парашютистов.

— Да, январь сорок пятого не лето сорок первого, действительно придётся поберечься, — щелкнул тугой кнопкой на кабуре пистолета Ласнер, когда, чернеющие провалами окон, руины центра города остались позади и лимузин выкатил на главную, имперскую дорогу.

Наростающий гул очередной армады ночных бомбардировщиков застает их уже проезжающими через старинный дубовый парк.

— Останови, Гюнтер, — советник положил руку, обтянутую черной лайковой перчаткой, на плетеный офицерский погон водителя. — Чем черт не шутит. Сверкнет попутная или встречная машина подфарником и эти там, наверху, решат бросить пару заокеанских «гостинцев» на дорогу.

Он не стал даже дожидаться возражений водителя и попутчика:

— Подождем, пока назад не пойдут.

Как раз к концу фразы впереди открылся поворот в самую чашу по-зимнему костлявых деревьев.

Там и остановились, про ехав от шоссе по проселку еще с десятков метров.

Щелкнув дверцей, советник вышел из теплой кабины под морозящие струи нескончаемого дождя.

— Не желаете освежиться, оберштурмфюрер, — приветливая фраза даже сейчас, в полуночной мгле, заставила улыбнуться немудреной шутке и водителя, и пассажира.

— Теперь — дело! — внезапно остановившись, советник безошибочно и с силой, совсем не стариковской, взял под руку своего более молодого спутника. — Надеюсь, сейчас-то уж вы

знаете, что каждая минута промедления смерти подобна! Не повторите прошлой ошибки?

Этому заявлению имелись веские основания.

Действительно, еще неделя-другая и там, куда должен был сегодня отправиться Курт Штернберг, ему уже делать будет нечего.

— Разве что в плен сдать.

Именно сейчас был последний и единственный шанс успеть. На аэродроме, куда они и направлялись, их уже ждал транспортный самолет.

Советник не очень-то упрекал своего молодого спутника. Ведь ошибся Курт не по собственной вине. Слишком поздно наткнулся в семейном архиве на письмо своего дальнего родственника.

Именно знакомство с содержанием послания на желтой, выцветшей от времени бумаге и выгнало сейчас под бомбы и дождь его вместе с непосредственным шефом по гестапо — советником в чине бригаденфюрера СС Отто Ласнером.

— Документы готовы и вам остается только одно — вытряхнуть из этого полячишки все, что он знает!

В голосе, умудренного жизненным опытом старого разведчика Ласнера, ясно чувствовались жесткие нотки человека, привыкшего к

безоговорочному повиновению.

— Ну а я все же хочу напомнить еще лишь об одном.

Он глубокомысленно сделал паузу.

— О том, что кроме нас с вами никто не должен знать истинного повода полета в Варшаву. Официально вы — эксперт по эвакуации архивов.

— Так точно, мой генерал!

— Оставьте эти солдафонские штучки, зовите просто — советник, — снова стал старчески дребезжащим тон Ласнера. — Не сорок первый год все же. Скоро всем один исход. И то, сумеем ли мы изменить его в нашу с вами пользу, находится в собственных руках. С таким богатством любая страна примет как родных.

Зашуршали листья под отдаляющимися шагами, и Курт Штернберг заспешил во след Ласнеру, туда, где приглушенно урчал мотором «хорьх» из гаража гестаповского управления.

Машина тронулась тотчас, лишь шофер убедился, что бригаденфюрер удобно устроился на своем сидении.

— Маршрут прежний, до аэродрома? — не отрывая взгляда от набегающего шоссе, спросил он, когда впереди снова открылось бетонное полотно главной дороги рейха.

Генерал уточнять не стал, заявил только о главном условии:

— И побыстрее! Нужно спешить.

Еще трижды миновали они контрольно-пропускные пункты, пока не оказались в начале взлетной полосы, где уже ревел прогреваемыми моторами транспортник.

— Давай, мой мальчик, — напоследок советник Ласнер пожал Курту руку, когда тот, оставив в чреве самолета чемодан, высунулся из распахнутого проема боковой двери.

Моторы заревели сильнее и советник, прижимая к голове генеральскую фуражку с высокой эсэсовской тульей, пошел прочь от самолета.

В темноту — к ожидавшей его машине.

Взметнув струей от винтов вихрь брызг со своих широких плоскостей, «Юнкерс» сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее побежал по взлетной полосе, и только там тяжело груженная машина смогла оторваться от земли.

После чего по пологой траектории ушла под низко висящие облака ночного неба.

— В Берлин! — отрывисто бросил шоферу Ласнер, когда стих гул взлетевшего самолета, и пора было отравляться назад.

На рассвете «хорьх» уже подъезжал к столичному пригороду, а еще через час на покореженную машину наткнулся патруль полевой жандармерии.

— Я же говорил, что могут быть диверсанты и нужно соблюдать осторожность, — присвистнул фельдфебель, увидев, знакомый ему по предыдущей ночной встрече, лимузин.

Только теперь уже не роскошней как прежде, а в шмотья развороченный взрывом.

— Но, не сойти мне с этого места, но тогда пассажиров было двое!

Сочувствующим взглядом он проводил к санитарной машине носилки с извлеченными трупами водителя и гестаповского генерала. После чего принялся за составление акта о происшествии.

Тем более, что навык был — каждую ночь в Берлине рвались не только авиабомбы, но и мины диверсионных вражеских групп.

— И гораздо чаще, чем ближе накатывал к столице третьего рейха фронт, бывший уже на подступах к Варшаве.

Тем временем, набрав высоту, самолет словно нырнул в чернильницу.

Густая, будто осязаемая темнота в грузовом салоне не располагала к общению. И редкие пассажиры, разместившиеся на ящиках, и мешках со срочным грузом для передовой, молча сносили неудобства.

— Ведь, наверное лучше сидеть в этом мраке, чем попасть на прицел русских «ночных охотников», — по достоинству оценил

преимущества светомаскировки Курт Штернберг.

Было и еще одно обстоятельство, мирившее молодого гестаповца с неудобствами полета. Меньше всего ему хотелось афишировать этот визит в осажденную столицу протектората.

— И чем уже круг людей, которые могут запомнить его физиономию, тем лучше.

Хотя знал:

— Экипаж, и пассажиры «Юнкерса», выбранного для своего порученца советником Ласнером, не входили в число любопытных, чей удел, как известно, согласно той фразе из детской присказки — «оставить свой нос на базаре».

— Как там ее звали? Ах, да — Варвара! — усмехнулся неожиданной мысли Курт.

...Россия была его первой Родиной.

До того, правда, как революция вымела отсюда их семью — старинный обрусевший род — наполовину немецкий, наполовину венгро-гуннский. В чьих жилах текла кровь рыцарей крестоносцев и корсаров Балтийского моря.

Жили богато.

Но гражданская война заставила паковать чемоданы и отправляться в Фатерлянд. Причем, не столь ради поиска исторических корней, сколько в надежде, обрести надежное убежище от выпавших передраг.

И в первую очередь тех, что были связаны с одним из отпрысков семьи — бароном Романом Федоровичем Унгерном.

В любое другое время такой родней можно было бы, конечно, гордиться. Как же — генерал-лейтенант, кавалер белого Георгия и золотого оружия за храбрость, командующий конно-азиатской дивизией, повелитель сказочной Хутухты — древнего монгольского государства.

Но настал день, вернее, ночь, и все пошло кувыркком.

Хорошо помнит Курт, как его, совсем мальчишку вели в потемках, по раскисшим от осенних дождей дорогам. Потом заставляли ползти по сырой траве, преодолевая границу. — Тогда, — говорят. — Едва сумели они опередить визит чекистов, нагрянувших с ордером на арест и тем спасти свои жизни.

Много лет прошло, а нет-нет да вспомнят в семье приход ангела-хранителя — простого казака, истинно преданного барону.

С далекой Сибири он привез не только весточку о страшной кончине своего командира, но и его предсмертные записки.

— Тогда, как разбили нашу армию, нас — рядовой состав красные к себе перемобилизовали. Мало кто с офицерами и его высокопревосходительством под суд ЧК пошли, —

за кружкой чая делился в ту ночь посыльный. — Ну однажды довелось и мне караул нести в тюрьме, где, значитца и содержали. Так Роман Федорович на словах ваш адрес дал и вот эти самые записки. Потому я их и привез, чтобы передать, как было велено.

Казак протянул, убористо покрытые неровным почерком листки.

Видать, писал их генерал в спешке, как только и могло быть в камере смертников в ожидании расстрела.

Ушел неожиданный посыльный и в тот же час стали собирать вещи все Штернберги:

— Если уж Романа Федоровича расстреляли, то и до нас непременно доберутся красные дьяволы. Спасаться надо. Детей от беды уводить!

Много позже надеялся Курт:

— Доведется еще раз побывать на прежней петербургской квартире.

Особенно, когда войска рейха стояли у самого города. Пока держали блокаду.

— Только все вот как вышло — красные уже у Варшавы. И его задача — хоть на день опередить их, выполнить задание советника Ласнера.

С ним младшего Штернберга свел опять же случай.

Как-то будучи дома в краткосрочном отпуске по фронтовому ранению, принялся рыться в

семейном архиве.

И в гряде пыльных фотографий, документов, множеста, теперь уже никому не нужных, финансовых счетов нашел толстую тетрадь в зеленом коленкоровом переплете, а так же пачку мятых листов, испещренных знаками скорописи:

— Мама. что это? — раскрыл он слипшиеся от времени страницы, вкривь и вкось покрытые карандашными записями.

Та ответила с немецкой уже педантичностью.

— Фронтной дневник Романа Федоровича и то самое письмо что солдат привез.

Посеяв зероно любопытства в душу сына, изнывавшего в тот час от вынужденного безделья.

— Вот оно что! — заинтересовался Курт.

Времени у него свободного тогда было много, и он углубится в содержание записей барона.

Конечно, долгие годы, прошедшие с тех пор, как он совсем мальчишкой готовился к поступлению в петербургскую гимназию, не прошли даром.

Хотя уже утерян был и навык русской разговорной речи, но все же сумел Курт разобрать содержание записок. Тогда же и ахнул:

— Это же ключ к сокровищам!

Но ключ-то был, а вот до замка, плотно закрывавшего тайну барона Унгерна, самому добраться не удалось.

Снова попал на фронт, а тем:

— Разве до поисков?

Но не было бы счастья, да несчастье помогло.

Выручило новое ранение: попав на излечение в Берлин, решил обратиться к старинному приятелю семьи — советнику Ласнеру, занимавшему крупный пост в политической разведке.

Он-то, всерьез заинтересовавшись необычным завещанием бывшего диктатора Монголии — Хутухты, сумел сперва перевести Курта под свое начало, после чего дал ему особое поручение.

И с тех пор поиски пошли с новой силой. Так и вышли на финишную прямую. Ленточку же предстояли пересечь Курту именно в Варшаве, куда привела следы человека, точно знавшего судьбу военных трофеев Унгерна.

В памяти Курта Штернберга словно отпечатались строчки из заветной баронской тетради:

«...Знаю, что ждет меня смерть... Красные не пощадят и предстоящий суд — чистая буффонада. Но одно радует — сумел я таки разбудить этот азиатский народ на священную войну. Будут еще потомки Чингисхана, народы монгольской рассы править миром. Создадут азиатскую федерацию и под главенством Китая наложат новое иго на Европу. Начало же буддийскому военному ордену я

положил хорошее. И доверил его надежному человеку — Фердинанду Оссендовскому. Это он до поры до времени запрячет мою казну, чтобы потом финансировать очистительный поход азиатов против красных. Средства же для того вполне достаточные...»

— Да, доверил дядя тому поляку много — 24 ящика с золотом. 120 килограммов алмазов, большой расписанный узорами сосуд с драгоценными камнями, — слово в слово помнит опись Курт, — только обманул его прохиндей, прикарманил ценности, завещанные расстрелянным чекистами генералом.

Долго, ох, долго искали они с советником Ласнером следы Оссендовского.

Пока не нашлась единственная ниточка, потянув за которую, можно было размотать клубок тайны:

— Еще несколько часов и душу вытрясет Курт из этого старика.

Заставит сказать правду:

— Куда дел сокровища?

...Иллюминаторы, щедро утыкавшие борта транспортного «Юнкерса» посерели от рассвета.

В салоне уже можно было оглядеться по сторонам, различить:

— С кем свела судьба в этом неожиданном спецрейсе?

Курт поднял воротник шинели, зябко уткнулся лицом в скрещенные на груди руки. Попытался уснуть, но тут лязгнула дверь в пилотскую кабину. Из проема показалась голова пилота в черном кожаном утепленном летном шлеме:

— Подлетаем. Под нами — Варшава.

На аэродроме уже, видно, были предупреждены о визите гестаповского чина из Берлина с особым заданием.

Курта Штернберга ждала кургузая трофейная машина. Возле которой переминался с ноги на ногу пожилой водитель.

— Очевидно, из запасников, призванных после тотальной мобилизации.

Сделал вывод офицер по особым поручениям.

— Извините, господин оберштурмфюрер, но другой свободной в гараже не было. С транспортом сейчас туго — весь на фронте.

Виноватый тон водителя хоть и не прибавил настроения посланцу советника Ласнера, однако он и из этого попытался извлечь свою выгоду.

Ухватился за повод обойтись без лишних свидетелей:

— На этой колымаге я и сам справлюсь, — заявил барон. — Отправляйтесь в часть, а вечером я пригоню машину сюда же, на аэродром.

Солдат не возражал:

— Как изволите.

Дорожная карта и путевые ориентиры польской столицы еще в Берлине были изучены Куртом до мелочей.

И все же ему пришлось изрядно поплутать, разыскивая в предместье огромного, разрушенного войной города, неброское местечко Жулнови — последнее пристанище душеприказчика опального барона Роман Федоровича Унгерна фон Штернберга.

Глава шестая

С улицы нужный дом — некогда красивый особняк под красной черепичной крышей казался нежилым.

Тропинка от кованой из железных прутьев калитки была запорошена толстым слоем снега. И, несмотря на морозное январское утро, над трубой — ни дымка.

— Может, окошел старик? — с растущей в душе тревогой подумал Штернберг.

Через опущенное стекло кабины долго смотрел он на жилище человека, в чьей власти было осчастливить его или оставить как сейчас — буквально нищим.

Не заметив на длинной, утыканной голыми в эту пору тополями, улице ничего подозрительного,

Курт мягко зашагал по сугробу, направляясь к крыльцу.

Рыхлый снег по щиколотку скрывал его ноги в крепких хромовых сапогах:

— Сразу видно, что здесь всю зиму не привечали гостей, — еще раз отметил про себя Курт.

Предположение подтвердилось, когда визитер уперся в заколоченную гвоздями дверь. Все говорило о запустении и особенно — грязные разводья на застекленных дверных шипках.

Пришлось идти вкруговую, в надежде отыскать другой доступ в жилище.

Он не ошибся.

Нашел «черный вход», ведущий внутрь из заброшенного теперь сада на обратной стороне особняка.

Эта дверь открылась легко — от простого толчка.

Веранда же внутри при осмотре оказалась еще более нежилой и запущенной, чем можно было представить.

Но когда посетитель решил идти дальше, из очередного дверного проема пахнуло застоявшимся спертым воздухом давно не проветриваемого, но вполне обитаемого помещения.

Тусклый полумрак, не рассеянный до конца даже светом из окон, наполовину зашитых

фанерными листами, не позволяя сразу оценить обстановку.

И тут тяжелый воздух и кашель из дальнего угла заставили гестаповца схватиться за оружие:

— Кто здесь? — гаркнул он, поводя по сторонам стволом, выхваченного из кабуры, вороненого «Вальтера».

Ответа не последовало, но подойдя поближе, Курт Штернберг сам убедился, что никакой опасности для него нет.

Из-под горы наваленного трепья, старых шуб и ватных одеял на него глянуло желтое восковое лицо, измученного голодом и болезнями старика.

— Господин Оссендовский, не правда ли? — успокоился и от того даже усмехнулся бывшему страху офицер.

Чтобы разглядеть хозяина лучше, он чиркнул перед его лицом никелированной зажигалкой с семейной монограммой по массивному корпусу.

Высокий узкий, язычок пламени затрепетал под его дыханием, осветив и для, сидевшего в кресле, старика обличие эсэсовца с его продолговатой физиономией, не особо украшенной рыжими, опущенными по углам рта, усами.

Дополняла увиденное Оссендовским высокая офицерская фуражка с серебряной эмблемой мертвой головы над скрещенными костями.

— Барон! Неужели Вы. С того света по мою

душу? — слабо воскликнул старый поляк и едва не лишился чувств от волнения.

Почти месяц прошел с того дня, как Фердинанд Оссендовский остался один в, снятом им еще до войны, особняке.

Видно, что-то случилось с приходящей домработницей, и теперь ему — жалкому, парализованному старику только и оставалось, что дожидаться здесь, в похожей на могильный склеп, спальне конца своей брэнной жизни.

И это видение в его замутненном сознании разбудило целую волну переживаний:

— Барон, Вас же красные расстреляли? Я точно слышал! — прошамкал он беззубым ртом.

Однако, Оссендовский не всегда был таким старым, больным и беспомощным. Более того, сам барон Унгерн, познакомившись с ним на охоте во время первой мировой войны, пригласил с собой:

— Получил новое назначение у Керенского — ехать в Забайкалье для формирования добровольных частей. Двинули со мною, пан!

— Служить Алексашке? — усмехнулся тогда ясновельможный доктор Оссендовский. — А как же мои географические исследования?

— Вот их-то как раз и добавится, — расхохотался Роман Федорович. — Сибирь — это такая бескрайняя страна, скажу я Вам, что там скучать не придется.

Всю августовскую ночь, забыв про утиную тягу на озерном плесе, Унгерн тогда с увлечением рассказывал о том, как еще до войны немало прошагал по стране, добираясь до Петербурга.

Причем, практически лишь с одним ружьем, да сворой охотничьих собак.

Тем скитаниям был весомый повод, если судить из того, что поведал барон своему собеседнику:

— Интриганы способствовали тому, что меня уволили из моего Нерчинского полка, потому хотел в дороге развеяться.

Лицо тогда худое лицо озарилось добротой, вислые усы раздвинулись в улыбке:

— И, понимаете, приключение было почище самого Майн Рида.

Убедил тогда отставной есаул легкого на подъем поляка на совместное путешествие.

Тем же последним летним месяцем они отправились в путь, действительно, оказавшийся не таким уж утомительным.

Благо, что и третий попутчик выдался под стать обоим — общительный хоть за карточной игрой, хоть за питейным столом атаман Семенов.

Почти на четыре года затянулось то путешествие. В течении которых был Оссендовский вроде порученца у барона Удгернга, постоянно менявшего свои должности — от эмиссара

временного правительства, до командующего колчаковским тылом в Забайкалье.

Когда же адмирала разбили, то, после эвакуации японцев, с теми же ушел в Китай из их теплой компании — Григорий Михайлович — общий друг по приятному времяпровождению — атаман Семенов.

Не остался «ждать с моря погоды» и Штернберг.

Тоже повел барон свою конно-азиатскую дивизию за кордон, но — в другом направлении.

Отправился в монгольские степи.

И вновь случились уговоры:

— Будешь, Фердинанд, лично знаком с ихними обычаями. А я уж тебе такое сафари устрою, что пальчики оближешь, — балагурил Роман Федорович, качаясь в седле, бок о бок со своим польским другом.

Что и говорить — знал барон, как свои пять пальцев, азиатскую Хутухту — некогда земли за семью печатями.

Еще в войну с китайцами воевал здесь до того отменно, что его — командующего всей монгольской конницей назвали за храбрость «сыном неба».

И теперь вот совершает новый вояж, только сам теперь постаревший, с четырьмя ранениями на Мировой войне, да с золотым оружием, да с

орденом Георгия на генеральском френче.

Только генеральские погоны же «его превосходительства», как и былую, почти беспредельную власть получил уже от Верховного правителя — Колчака.

Ох, и удачным был в ту пору для искателей приключений «по майн — ридовски» — с сафари начавшийся 1921 год.

Смерчем прокатились по степям. С ходу взяли у китайцев, оккупированную ими, столицу страны — Ургу.

Да и как не взять, если половина гарнизона перешла на сторону барона, едва его десятитысячная конная лавина, при мощной поддержке артиллерии, подступила к окраинам кочевского города.

Не день и не два трещали тогда выстрелы по тибетским домам, кумирням, монгольским садам, храмам. Шли резня и грабеж. Но все же и здесь чувствовалась твердая рука новоявленного диктатора.

С утра до вечера мелькал он то тут, то там в своем синем монгольском халате с прицепленными на плечах генеральскими погонами и белым «Георгием» на груди.

Его автомобиль можно было встретить, казалось, везде. И как итог — пополнились те ящики в обозе, которыми распоряжался лично

доверенный барона — Фердинанд Оссендовский.

Даже не серебро, а исключительно золото, алмазы, да прочие драгоценные камни шли в казну диктатора, принявшего к тому времени новую религию — буддистскую.

— Станем, господин пан, с тобой еще Европой заправлять, как разбудим от спячки этих вот потомков великого Чингисхана, — любил говорить знаток «монгольского сафари», теперь и носитель титула Сына Неба.

О чем вовсе не забыл его друг по кочевой жизни.

— Вот и доуправлялись, — стекла слеза по щеке, ставшего совсем дряхлым стариком, Оссендовского, — сам пришел ко мне покойником, да и я недалек до того.

Нахлынувшие воспоминания снова и снова возвращали его в прошлое.

Помнит он до мелочей, как пришли сведения о походе на них сибирской народной революционной армией во главе с Блюхером.

Вместе с тревожным известием тогда наступила настоящая паника — побежали в рассыпную слабые духом.

Помнит Оссендовский и то, как решился Унгерн на бой с красными.

Правда, накануне направо — налево казнил предателей. Давил их как крыс, бегущих с тонущего

корабля.

Ну а самой развязки Фердинанд не застал.

Был уже далеко от тех мест, где в последний раз испытал Унгерн свою судьбу на поле брани.

А до этого заставил привезти в свою юрту древнюю старуху-гадалку, знаменитую на всю здешнюю округу. Строго глянул в ее полумонгольские-полуцыганские плутовские, несмотря на возраст, глаза:

— Гадай, бабка. Говори всю правду.

А у самого словно бушевал пожар во взгляде. Так и пылал от возбуждения высокий генеральский лоб. Топорщились, словно у молодого, как пики — рыжие усы.

Правда, кое-что напоминало о всех прожитых в последние годы передрыгах и волнениях. Не остались они обойденными стороной. Теперь был барон уже не таким, как прежде.

Выглядел совсем худым, ни дать, ни взять — как покойник.

Одно и оставалось — лишь, высохшая кожа да кости.

И все же, еще как будто черт в нем сидел — так и перла энергия через край.

Явно, опасаясь возможной и страшной расправы, усердно гадала генералу старуха.

Ведала:

— Если словчит, не пожалеет ее диктатор, не

задумываясь, срубит голову шашкой, чей эфес золотом горит на поясе голубого расшитого халата.

Жутко было глядеть, как прорицала, билась в судорогах и жгла на углях птичьи кости И все выходило, что отвернулось счастье от барона.

— Вот где судьба! — разошелся, услышав предсказание, Унгерн. — Но смерть меня и так всю жизнь преследует. Видать, не жить больше. Только я и этого не боюсь.

Щедро наградил старуху.

С Оссендовским же долго после этого секретничал барон.

Все обсказывал:

— Куда везти поляку «золотой обоз». Где спрятать до лучших: времен, чтобы, когда понадобится, обеспечить средствами вновь возродившийся, основанный им буддийский военный орден.

Пошел затем барон на красных, а друг его неразлучный — в другую совсем сторону, чтобы потом услышать, как был казнен Унгерн той же осенью красными.

— И вот надо же — вновь перед ним стоит, отчета требует барон Роман Федорович... — шепчут губы старика.

— Спокойнее! — осек его незванный визитер, горделиво прохаживаясь перед Оссендовским.

Пистолет он уже давно спрятал в кабуру,

понимая, что и с голыми руками способен заставить поляка сделать все, что понадобится.

В том числе и признаться в прошлом, подробно рассказать все о ценностях предка Курта Штернберга.

Только, прежде чем начать настоящий допрос, он счел возможным представиться:

— Барон, да только не тот! Не Роман, а Курт фон Штернберг, — даже теплее стало на душе у посетителя от того, что отметил хозяин его сходство со знаменитым родственником.

Эсэсовец не скрывал, что гордится своей родословной:

— Вы, как ч правильно полагая, не кто иной, как сам знаменитый доктор Оссендовский?

Словно очнулся старик от наваждения.

Прояснился взгляд.

Понял, что не дьявол в образе Унгерна пришел по его душу, требовать ответа за доверенные сокровища...

Только, как ни стар, ни тщедушен, а молчит о том:

— Как и куда дни и недели скрипели колесами тяжело груженные телеги золотого обоза? Куда под дулами маузера гнал людей, торопил, опасаясь погони?

Не верил, что утаил Унгёрн от красных суть их секретного разговора. Ждал погони. Но ее не

было.

Более того, во многих местах встречали его тайные члены унгерновского буддийского военного ордена — помогали сменить лошадей, давали провизию, едва услышат известный им, да Оссендовскому, назначенный бароном пароль.

Потом, много лет спустя, прознал о казни несостоявшегося-таки монгольского диктатора.

О долгих допросах, о требовании красных:

— В обмен на, жизнь выдать сведения о том, куда дел награбленные в Урге и походах ценности.

Сулили и многое другое.

— И все же промолчал Роман Федорович, не выдал, — от чего еще более зауважал его бывший товарищ по монгольскому «сафари».

Утверждали очевидцы, что даже в улыбке дрогнули генеральские рыжие вислые усы, когда у стены в смертный час услышал:

— В последний раз спрашиваю — где алмазы, гражданин барон?

Не ответил, предпочел молча взглянуть в дуло, наведенного ему в лицо, револьвера.

Тот выстрел по приговору Сибревтребунала, после казни, оставил на земле лишь одного посвященного в тайну — Оссендовского.

Теперь больного, дряхлого старика, такого доступного любому. В том числе и этому, пахнущему дорогим французским парфюмом,

молокососу в ненавистной гестаповской форме, готовому растерзать старика своими крепкими жилистыми руками, затянутыми в черные лайковые перчатки.

— Где состояние барона Унгерна? Он Вам его поручил! — настойчиво, уже которую минуту, тряс старика Курт. — Говори, все равно подохнешь, не взять тебе с собой золото в могилу.

Однако старик молчал.

Выговорившись с тенью настоящего барона из прошлого, он теперь не желал произносить ни слова, чем довел Курта до белого каления.

Со злостью схватил немец упирающегося за грудки.

Притянул к себе, намереваясь любой ценой добиться признания. Но только безвольно поникла гопова поляка на худой шее, безжизненно закатились глаза.

Совсем расстроился истязатель, когда понял:

— Теперь, со смертью Оссендовского не осталось больше никого, кто бы еще мог рассказать о спрятанных от большевиков, сокровищах.

Чувствуя, как что — то оборвалось в душе, с наступившей тоской понял Штернберг-младший, что своими руками разрушил возможное счастье всей будущей жизни:

— Теперь никто и никогда не наведет на истину в столь неудачно завершившихся поисках

клада монгольского диктатора Хутухты.

Оборвалась последняя нить, хоть как-то связывавшая его с прошлым.

...Остывая от горячки допроса, эсэсовец осмотрелся по сторонам.

Дом старика Оссендовского лучше любых слов говорил ему о своем хозяине-авантюристе, искателе приключений.

Всюду, где бы ни пытался найти гестаповец хоть что-то, проливающее свет на тайну сокровищ диктатора, спрятанных поляком, он наталкивался лишь на предметы его пристрастий — сувениры и безделушки.

Их сумел вывезти сюда, за долгие годы своих скитаний, знаменитый путешественник. Побывавший, практически, во всех странах Азии.

Расписная керамика, плетеные циновки — попадались на каждом шагу в доме Оссендовского...

— И ничего, чтобы указывало место, где хранил пан Фердинанд самое для Курта сокровенное, — бесновался незваный гость.

Правда, была надежда поискать и на книжных полках — от пола до потолка заставленных томами.

Причем, книги были как в роскошных кожаных, так я в дешевых коленкорových переплетах, говоря о том, что нужны были для работы, а не просто в качестве коллера к

мебелеровке или ненавязчивого указателя посторонним о начитанности хозяина.

Но после получаса изучения стеллажей, надышавшись пылью, покрывавшей книги и окончательно убедившись в тщетности этого занятия, Штернберг решил отправляться восвояси ни с чем.

И сделал бы это быстрее, но пугала встреча с советником Ласнером:

— Такие как он ошибок не прощают!

Торопиться же заставил низкий утробный гул, от которого жалобно зазвенели остатки стекла в оконных рамах, на две трети зашитых фанерой.

— Налет! — смекнул Штернберг, выскакивая из мрачного пристанища мертвеца на свежий воздух.

Тугая волна близкого разрыва бомбы встретила его на крыльце, и больно швырнула об стену.

Когда Курт пришел в себя, всюду стелился дым от занявшихся огнем строений. Едко пахло сгоревшей взрывчаткой. Но, на счастье, гул моторов стих.

Опорожнив свои утробы, бомбардировщики, видимо, ушли на свои аэродромы за новой партией фугасок.

Удар взрывной волны оказался более сильным, чем подумалось вначале Штернбергу.

Мутило, кружилась голова.

С трудом поднявшись и покачиваясь на негнувшихся от контузии ногах, он обогнул особняк, ступая по следу, оставленному недавно им же на еще утром пушистом, а теперь припорошенным сажей и землей, снегу.

Только выпавшие испытания были цветочками, тогда как ягодки ждали его впереди.

То, что увидел эсэсовец, выйдя из-за угла дома, ему хотелось принять за наваждение.

Он даже зажмурился, не веря в представшую его взору картину.

Но, раскрыв, еще слезящиеся от контузии, глаза Штернберг убедился в реальности еще одного — нового несчастья, свалившемся на его голову.

Эта сторона улицы пострадала от бомбежки-больше всего.

Черные, в комьях вывороченной земли, оспы воронок покрывали, все обозримое взглядом пространство, не затянутое дымом пожарищ.

И больше всего коптил, опрокинутый вверх колесами, его вездеход, полученный на аэродроме по прилету в Варшаву.

— Это как же теперь я? — мелькнуло в воспаленном мозгу. — Ведь пешком-то и за два дня не доберусь. — Улетит «Юнкерс», посланный сюда Ласнером!

Еще более ужасным представлялся обратный

пеший путь в его нынешнем обличи — шикарного гестаповского офицера.

Особенно теперь, когда с минуты на минуту город могли взять русские.

— А здесь, на окраине, не только они, но и партизаны становились реальной угрозой, — знал Штернберг.

До боли закусив от обиды тонкие губы, Курт так сжал кулаки, что затрещала лайковая кожа перчаток.

Но тут же забыл и об этом.

С улицы донеслись голоса, топот многих ног, копыт и скрип тележных колес.

Услышав этот шум, стремительно, как тень, нырнул Штернберг от неожиданных свидетелей обратно — в дом Оссендовского.

И уже там попытался не просто укрыться от посторонних глаз, но и в корне изменить свое обличие.

Тем более, что поиск гражданской одежды не занял много времени.

Еще делая обыск в поисках карт или дневников старика, Курт, не совсем еще тогда осознанно, заметил, где хранились его костюмы.

Один из них и пришелся ему, как раз впору:

— Сразу видно — до болезни крепок был да осанист, — присвистнул, разглядывая себя в новом обличи, гестаповец.

И тут же решил для себя, как быть дальше, когда единственные документы — офицера СС лишь могли смертельно навредить владельцу.

Приходилось избавляться от греха подальше от удостоверения со свастикой на тисненой коже обложки.

— Для русских попробую сойти за беженца, а уж своим как-нибудь все объясню, — пробормотал Штернберг.

Разорвав на клочки несколько книг и журналов, он развел в камине огонь, в который бросил тугое портмоне с удостоверением, пропуском и предписанием ко всем чинам рейха оказывать ему всяческую помощь.

Когда пламя, вспыхнув в последний раз и стало угасать, поднялся от камина, выдернул из-под мертвого хозяина дома клетчатый шерстяной плед, накидал в него несколько, первых попавшихся ему под руки, вещей, книг и кое-какого прочего скарба.

После чего стянул узлом образовавшийся большой узел.

— Для пущей достоверности, чтобы уж никто не усомнился, что действительно погорелец идет с пепелища.

И все же, днем отправляться в дорогу Штернберг не отважился.

— Могли, — по его мнению. — В округе найдись те, кто видел его выходящим из машины у

дома Оссендовского.

Лишь дождавшись наступления вечерних сумерек, беглец взвалил свою объемистую, хотя и не очень тяжелую поклажу на плечо.

— Прощай, старик, — бросил он на последок и с горькой усмешкой, распластанному на затоптанном полу старику. — Жаль, что забрал ты все с собой.

От гнева надулись желваки на скулах жертвы собственной алчности.

— Да только там тебе это не понадобится.

...За ночь он ушел довольно далеко, уверенно ориентируясь по местности. Ведь ее хорошо изучил на карте еще тогда, когда готовился к встрече с душеприказчиком своего дяди-барона.

Но все же не смог наверстать упущенное.

За тот день, что ушел у него на выяснение отношений с Оссендовским, Восточный фронт был прорван, и туда, куда ему было нужно — на Берлин, раскисшими январскими дорогами уже тянулись танковые колонны русских.

Так и пошел во след, прося где придется ночлега. Питаясь чем придется. Пока, уже поздней весной, когда и войне случился конец, не наткнулся на него патруль союзников.

— Беженец, говоришь? Поляк? — осклабился, глядя на перепачканную сажей костров, давно не мытую, физиономию путника детина в форме

американского пехотинца с тусклыми сержантскими нашивками на рукаве защитного цвета куртки.

— А вот сейчас посмотрим, кто ты, да что. Раздевайся!

Ежась под насмешливыми взглядами солдат, Курт сбросил с себя, заляпанные грязью пальто, пиджак. Стал расстегивать ремень на брюках.

— Пока не надо, — повел стволом автомата сержант. — Рубашку снимай.

Когда Штернберг повиновался, последовал еще один приказ:

— Подними руки.

Прозвучавший с нескрываемой угрозой.

Задержанный и тут не стал перечить, продемонстрировав, остановившим его бывшим врагам, главную улику своего пребывания в элитных частях поверженного третьего рейха.

— Так и есть! Видишь под мышкой наколку — там у эсэсовцев принято отмечать группу крови! — удовлетворенно от того, что добился своего, хмыкнул старший патруля.

Он же и рявкнул:

— Собирай свои пожитки и следуй за мной. Я такими как ты уже целый лагерь набил.

Арест, краткое расследование и суд Курт Штернберг перенес как в бреду.

Когда же через год получил освобождение, то

к его удивлению в канцелярии выдали и личные вещи:

— Тот самый узел, собранный на дорогу в доме Оссендовского.

Так и пришел с ним в родительское поместье, хоть и оказавшееся в восточной зоне оккупации.

Многое в ту пору пришлось продать или обменять на продукты. А вот книги старика ходу не нашли — не было спроса на польское чтиво.

Забросил их на чердак неудавшийся искатель сокровищ.

Туда, где когда-то нашел старое письмо барона Унгерна — потомка крестоносцев и диктатора Хутухты, заманившее его в варшавскую ловушку.

Глава седьмая

В первых рядах солдат, ворвавшихся в, освобожденную от фашистов, польскую столицу, была и команда майора Даурова, получившего строгий приказ:

— Найти и задержать Оссендовского!

Имевшего отношение к важным секретам Советского государства.

Против которого воевал еще в послереволюционные годы. Да еще бандитствуя с сообщниками в Горном Алтае.

Адрес проживания затворника удалось добыть в городской управе.

Там, под прицелом автоматов, перепуганный канцелярист без волокиты отыскал по списку местных жителей все, касающееся пана Фердинанда.

В том числе и место, где располагалась вилла знаменитого в прошлом путешественника.

Туда и помчались, на приданном танке, бойцы Даурова, заставшие в доме врага лишь его труп и явные следы недавнего пребывания здесь кого — то еще, улизнувшего буквально за минуты до окружения подозрительной усадьбы освободителями.

В той ситуации майор постарался сделать все возможное, что оставалось ему для выяснения сведений, некогда имевшихся у Оссендовского.

Он приказал подчиненным:

— Изъять все, что было у того из имущества!

Здроаво полагая, что где — то мог иметься тайник, а то и просто остались записи воспоминаний на одном и множества иностранных языков, которыми в совершенстве владел при жизни нынешний покойник.

— Только они теперь могут пролить свет на тайну! — укрепился в своей уверенности майор, добивавшийся разгадки запутанного дела не только здесь, в Польше или на Родине в Советском Союзе,

но и в соседней Монголии.

Конфисковав пару грузовиков, брошенных прямо на обочине дороги из-за пустых бензобаков, Дауров сначала решил тогда вопрос с их заправкой.

Просто остановил первую попавшую колонну красноармейцев и без труда убедил их командира:

— Слить из машин по несколько литров горючего для команды, выполнявший специальное задание по линии Управления «Смерш».

После чего, солдаты, трудясь в поте лица, набили кузова машин добром, нажитым Оссендовским.

Стараясь при этом не оставлять в доме ни единого клочка бумаги.

Добыча, доставленная в Особый отдел фронта, не могла, разумеется, заменить собой непосредственного «языка».

Но и тогда еще была надежда отыскать в ней, хотя бы тоненькую ниточку фактов, потянув за которую, можно было размотать весь клубок дел, натворенных поляком в далекой Сибири.

Несколько месяцев кряду каждый автограф Оссендовского изучался, чуть ли не под микроскопом целой оравой дешифровщиков и переводчиков. Пока и этой работе не подошло, неожиданно скандальное, завершение.

Как ударом молота по голове, оказалось для Даурова обвинение в мародерстве.

Выяснилось с запозданием, что и в польском, и международном обществе, в том числе и союзных государств, имя Фердинанда Оссендовского звучало вполне весомо.

Потому, когда стали выяснять его судьбу после фашистской оккупации, то нашлось немало очевидцев, сообщивших новому руководству Польши о том, как обчищался до бумажки, дом, уже мертвого в ту пору, ученого — географа.

Возник скандал.

Замять его удалось с большим трудом, и только лишь после того, как Министерство Иностранных дел СССР принесло свои извинения и обязалось принять необходимые меры по улаживанию конфликта.

Все, вывезенное командой Даурова, было возвращено — уже в качестве исторических ценностей во вновь образованный Дом-музей ученого.

Тогда как виновного в разграблении архивов географа, привлекли к суду военного трибунала.

Приговор, однако, был не очень суровым, по меркам военного времени.

Всего — то и дали разжалованному майору Даурову пять лет заключения с лишением всех званий и наград.

— Только я искал следы пана Фердинанда не ради службы, а еще и по делу совести, в память о

прежнем общении, — поведал заключенный подсобник картографа своему новому начальнику — Полякову.

Решился на откровенность, когда почувствовал, что перспектива скорейшего освобождения может оказаться «с душком».

Он и прежде не жил, что называется, одним днем. Обладая большим опытом оперативной работы, старался всегда оставлять кое-что на запас:

— Если вдруг понадобится оправдаться в своих поступках или иметь неоспоримые доказательства, погребенные бесследно в секретных архивах.

Вот и трудясь над бумагами Оссендовского, что мог скопировал.

Особенно это касалось материалов сибирского региона, где успел побывать в своих путешествиях польский авантюрист.

И не просто перерисовал карты и сфотографировал самые интересные тексты еще в ту пору майор Дауров.

Большую часть своих находок успел отправить с оказией — демобилизованными солдатами на Родину.

— У меня и теперь есть в надежном месте все, что успел составить Оссендовский, только далеко отсюда, — закончил свое повествование — исповедь Дауров.

Лейтенант посочувствовал ему сперва из элементарной вежливости.

Но опять вернулся к разговору заметно приободрившимся, когда понял, что срываются сроки работ, да и проживала семья Дауровых не так уж далеко — в Новосибирске.

К тому же и адрес оказался знакомым.

Потому техник-лейтенант решил обойтись без прежнего хитрого подходца, действуя напрямую:

— Так это же почти рядом с Топографическим техникумом, где сам учился на специалиста картографа!

Теперь он сам завел разговор с подчиненным:

— Вот сейчас бы нам карта Оссендовского вполне могла пригодиться, — заметил Сергей Львович. — Тогда бы мы гораздо быстрее заполнили «белые пятна» на территории, определенной экспедиции для изыскательских работ.

Далее техник-лейтенант еще более конкретно развил свою мысль:

— И тогда, обещаю Вам, возможны положительные оргвыводы.

Подразумевая поток поощрений — в виде наград одному и снятия судимости с другого.

Оба пришли к единому выводу, о том, что следует, как можно скорее, привезти из Новосибирска трофейные бумаги.

Оставалось только подобрать приемлимый повод для такой поездки и снарядить гонца надежными рекомендациями.

— Выбор тогда пал на меня! — рассказывал продолжение своей юношеской «одиссеи» сельским школьникам-туристам старик Чепок. — Мне даже самому очень интересно было съездить в большой город. Мир, как говорится посмотреть т себя показать!

Кимандировали парня с определенной целью:

— Доставить необходимое техническое оснащение из учебного заведения топографов, где у бывшего выпускника — лейтенанта Полякова оставалось до сих пор множество знакомых преподавателей, способных выручить его в важном государственном деле.

Однако, главное поручение Ванюшка Чепок получил на словах, вместе с почтовым конвертом, на котором, выведенный химическим карандашом, синел обратный адрес семьи Дауровых:

— Зайдешь к ним и попросишь документы, которые я супруге выслал еще из Польши, пока не попал под трибунал! — строго-настрого наказал своему молодому порученцу Сергей Львович.

Заодно чиркнул еще и письмецо родным в несколько строк.

В качестве конкретного подтверждения правильности того, что мог устно рассказать парень

— как и чем живет теперь заключенный-картограф Дауров.

— Все выполнил так, как было велено, — довольно заключил Иван Карпович. — Вот она — сумка полевая с картами.

Он кивнул на, уже хорошо знакомую ребятам, планшетку, привезенную тогда из Новосибирска.

И для пущей убедительности добавил:

— Да на ней и адресок имеется.

Чепокос снял сумку, раскрыл ее и внутри указал на подкладку, белевшую надписью, вытравленной хлоркой:

— Как на фронте поступали многие офицеры, желавшие, чтобы их личные вещи не оказались, в случае чего, безымянными.

Дед Иван уже собирался вешать обратно, на тонком скукоженном ремешке свою реликвию с посланием еще фронтовых времен, но его остановила на этом Татьяна Комарова.

Не только крайне любознательная для своего возраста, но и пунктуальная до мелочей, она не упускала ни одной возможности зафиксировать все происходящее с ней в своем дневнике.

В него она добросовестно переписала и адрес в Новосибирске, куда навдывался много лет назад алтайский юноша по просьбе своих старших «коллег» из топографической экспедиции.

А вот Мишку Костромина обуревали теперь

совсем другие чувства.

Множество новых вопросов появилось у него к старому таежнику. Ведь, после очередного рассказа, в ином свете, чем прежде, предстал бывший проводник перед своими недавними провожатыми.

Парень не утерпел:

— Почему же они негодились, эти карты?

И другие поддержали его:

— Действительно, почему? — поняв, что неспроста остаются документы в этой провинциальной деревушке.

Тогда как место им, по меньшей мере, в Музее строительства Чуйского тракта? Или еще в каком другом официальном собрании редкостей?

— И, вообще, что стало дальше с самим Дауровым и с топографом Поляковым? — занесла Татьяна свою авторучку над новой — девственно чистой страницей личного походного дневника.

Добрая снисходительная улыбка, только что озарявшая, загоревшее до черноты, лицо таежника, исчезла вдруг без следа.

Старик сразу сделался необычно серьезным и перевел «стрелку» их общения совсем на другое:

— Давайте, ребятки, лучше ужинать. Все остывает.

Он встал совсем как повар на школьной столовской раздаче, только не за перегородкой с

кострюлями, а прямо у котла с шулюмом.

И видя, что собеседники не спешат на зов, обуреваемые любопытством, мягко, как бывало в их общении прежде, добавил:

— Остальные вопросы оставим на потом. После все узнаете.

Лишь только угостив ребят как следует, Иван Карпович уже в кратце, не вдаваясь, как прежде, в детали, поведал о том:

— Почему больше так и не встретился с теми, чье задание выполнял в своей первой и, как оказалось, последней поездке в большой город?

Оказалось, что в его отсутствии, едва установились погожие деньки, вдвоем — по уже хорошо натопанной тропе, оба картографа — начальник и подчиненный решили сходить до Шавлинского озера.

Это чудо природы уже к тому времени успело получить самую широкую известность. Да и как иначе, если про него с восхищением говорили все, кто видел знаменитую картину местного живописца Чорос — Гуркина, так и названную им «Озеро горных духов».

Потом один из таких зрителей — будущий великий ученый и писатель-фантаст Иван Ефремов написал и опубликовал в популярном молодежном журнале приключенческий рассказ с занимательным сюжетом о том, что губительными

для всего живого на этом горном озере, якобы, были испарения от окрестных и весьма богатых залежей самородной ртути.

— На самом деле бояться тогда обоим следовало совсем другого, — с горечью заметил Чепок. — Но никто, к сожалению, не знал, той осенью, что эти двое собрались на Шавло.

Был и теперь Иван Карпович твердо уверен, как прежде в том, что все могло сложиться в их трагической судьбе иначе:

— Если бы прознал кто из поселковых о таком замысле, наверняка бы отговорили. Так как не сезон наступал для подобных прогулок на «Можжевеловый край». Звери пошли на зов Кер-балыка.

Рассказчик внимательно оглядел лица всех ребят. Остановился же лишь на Мишке Костромине:

— Как я вам этим летом отсоветовал торопиться. Как заставил повременить и не спешить во след за медведем.

Совсем грустными были последние слова Ивана Карповича.

Выяснили ребята, что позже, не дождавшись возвращения путников, он, вместе с другими охотниками и участковым милиционером, прошли их предполагаемым маршрутом и обнаружили на берегу горного озера растерзанные останки обоих

горемык.

Позже самого Ванятку Чепокова даже на следствие не вызывали:

— Удостоверившись в его невинности, подтвержденной командировочным удостоверением с новосибирскими печатями о прибытии и убытии.

По ним выходило, что был он очень далеко от места трагедии, разыгравшейся в дремучей тайке, кишашей полчищами диких хищников.

Ну а сам он, по совету знающих земляков, не стал особо рыпаться — умолчал о второй стороне командировки, в которую послали его бывшие коллеги. Не дожившие до возвращения «гонца».

— Храню, пока, эту сумку, как память о хороших людях, павших из-за своей безрассудности и неуважения к духам! — заключил на пафосной ноте хозяин аила свою беседу с гостями.

После чего проводил их до самой околицы поселка, откуда уже были хорошо видны палатки, поставленные туристами у моста через Чую.

Где обычно и подбирали рейсовые автобусы, завершивших свое путешествие, приезжих.

И никто из них даже не догадывался прежде, что печальная история погибших картографов вскоре получит свое неожиданное и удивительное продолжение.

Глава восьмая

...Экспресс до Берлина шел точно по графику движения.

Да иначе и быть не могло. Голубой состав, где каждый вагон носил свой фирменный облик, никогда не опаздывал.

Даже в те смутные времена, когда из двух Германских республик, разьединенных итогами послевоенной политики, снова образовалась одна, этот экспресс ни разу не нарушил заведенного уклада.

Тем более же сейчас, когда, давненько уже, приобщенная исключительно к Западной Европе, германская столица старалась быть пунктуальной во всем.

— Господа, через пять минут конечная остановка, — медовый голос старика-кондуктора, показавшегося в раскрытом дверном проеме купе, нарушил раздумья, сидевших на креслах пассажиров — почтенного вида семью зажиточных бюргеров.

И не только стариков, но и их повесы-отпрыска. Ладного молодого человека того возраста, в котором каждому хочется лезть из кожи, чтобы только выделиться из толпы.

О том говорил даже яркий нашейный шелковый платок под джинсовой курткой, чья

потертость лишь подтверждала высокую цену наряда.

Следовало брать во внимание и золотой массивный браслет на запястье с гравировкой на одной из пластин — «барон Унгерн фон Штернберг».

Вот только имя парня диссонировало, шло в разлад с обликом представителя западногерманской «золотой молодежи».

— Давай, Роман, собирай вещи, скоро выходить, — надтреснутый выговор старика нарушил, вновь было установившуюся в купе, тишину.

На перроне их ожидала приятная дама из экскурсионного бюро.

Улыбаясь за каждой фразой, всем своим обликом она старалась угодить богатым клиентам.

Потому, не дав им передышки после общения с кондуктором, назойливо защebetала о том, что на привокзальной площади ждет такси и до родового поместья баронов фон Штернбергов всего час езды.

Старику Курту фон Штернбергу льстило даже это показное почтение.

Все же знал совсем иное у себя в Мюнхине, где пришлось жить все те годы, как занесла туда судьба. Там его положение — простого коммивояжера среднего достатка не могло вызвать подобного обращения.

И вот наступило долгожданное возвращение в родные места.

Пока голубой разболтанный «вартбург», с мигалкой — гребешком таксомотора на крыше, катил по пригородному шоссе, направляясь в их, вновь обретаемое родовое имение, многое пришлось передумать бывшему вояке, бывшему заключенному, а теперь уже нынешнему — вполне состоявшемуся пенсионеру, верой и правдой отслужившему своей фирме по производству лаков и красок.

Еще в том памятном году, выйдя из лагеря перемещенных лиц, он надеялся, что все уладится.

Верил:

— Уйдут русские из их оккупированной зоны, куда попали и его родовые владения, и опять все будет как прежде.

Но холодная война спутала карты.

Поставила крест на ожиданиях. Снова местные власти вспомнили о прежней гестаповской карьере Курта Штернберга. Едва успел он убежать в чем был, не прихватив ничего из отчего дома.

И вот она — такая долгожданная перемена.

После воссоединения Германии вновь хозяином возвращается в родные края, чтобы показать и жене, и внуку их нынешнюю недвижимость.

Свернув в сторону от шоссе, такси проехало

еще немного по проселку, затем еще и по старому парку, после чего закрипело тормозами на посыпанном мелким желтым песком дворике у обширного дома.

Само здание величественно и будто снисходительно принимало перемены, будучи выстроенным в том готическом стиле, что с первого же взгляда твердит о своей принадлежности к классической архитектуре.

— Здесь, господин Штернберг, до недавнего времени располагался культурный центр сельскохозяйственного кооператива, а ныне он решением суда освобожден для подлинного хозяина и даже приведен в надлежащий вид!

Скороговорка экскурсовода вовсе не занимала внимания семьи барона.

Все приехавшие прекрасно знали:

— Что их ждет здесь, на земле предков.

Более того, уже и планы намечены, что разместить в усадьбе — небольшую гостиницу для тех туристов, которых так и манило на воссоединенные земли.

Осмотр многочисленных комнат и холлов привел старика барона еще в более приподнятое настроение.

Мурлыкая что-то себе под нос, он закурил сигарету и обернулся, протягивая раскрытую пачку «Кента» сыну. Но того рядом не было.

— Где Роман?

Задал вопрос, начиная не на шутку волноваться.

— Отстал, видно, — донеслось в ответ.

— Наверное, на чердак забрался, ты же знаешь, как влекут его старый хлам и паутина, — снисходительно к шалостям внука улыбнулась старуха баронесса.

— На чердак, говоришь? — переспросил супруг. — А ну-ка и я туда туда поднимусь.

Гудящие при каждом шаге дубовые ступени винтовой лестницы привели старика на самый верх — под крышу особняка.

— Да, здесь все эти годы особых гостей точно не было, — протянул он, оглядывая разный хлам, ярко освещенный лучами полуденного солнца, свободно проникающими через хотя и запыленные, зато широкие стекла чердачных окон.

Старая мебель, подрамники с никому не нужными теперь, кумачовыми лозунгами, разбитые ящики, да позеленевшие от времени трубы испорченных духовых инструментов говорили о том, что все эти годы единственным предназначением чердака было то же, что и при хозяевах — хранилище ненужного хлама.

Его-то и разбирал сейчас Роман, добираясь в дальний, менее всего освещенный угол.

Он отлично знал по рассказам отца, что

именно там и стоял сундук со старым семейным архивом.

— Вот он, как ты и говорил, — обернулся Роман на шаги деда. — Сейчас еще глянуть бы, что сохранилось из его содержимого.

Он поднял отломанную от древнего кресла массивную ножку и ловко, двумя ударами, сбил проржавевший навесной замок.

И как будто и не было многих десятков лет, прошедших с той поры, как Курт бросил сюда вместе с фотоальбомами, дневниками, письмами и ненужными счетами свой лагерный мешок с парой книг.

Из тех самых, что прихватил у Фердинанда Оссендовского, спасаясь от русских из охваченной пожарами Варшавы.

Все это, как оказалось, так и лежало долгие годы, теперь, разве что, густо припорошенное пылью.

Роман сбегал вниз, прихватил оттуда полотнянный чехол, прежде накрывавший рояль и набил его содержимым сундука:

— Вы как хотите, а у меня сегодня этого читива на всю ночь.

Просто, как только можно, бьяснил он свое любопытство.

— Очень уж охота познакомиться с родословной.

Такая хватка даже смутила старого Штернберга.

— Подожди, Роман.

Попытался он охладить деятельного не в меру внука.

— Есть у меня к тебе разговор, только попозже и до того, как возьмемся за эти бумаги! — мягко положил ему руку на плечо свою старческую руку Курт Штернберг.

Затем, словно помолодев на добрых четыре десятка лет, первым сбежал вниз по винтовой лестнице их родового имения.

То, что предстояло услышать Штернбергу-младшему, действительно, оказалось неожиданным.

Его мать — дочь Курта фон Штернберга, никогда особенно не интересовалась их родословной. Вот и теперь, когда старики со своим внуком отправились вступать во владения, родители Романа остались дома, заниматься своим обычным бизнесом.

Доверив им троим разобраться с недвижимостью, благополучно возвращенной семье после окончания социалистического прошлого Восточной Германии.

Совсем другим по складу ума был их сын.

Недаром названный в честь далекого предка, он, как и тот исступленно увлекался всем

экстримальным. Пускался потому в путешествия и приключения, какие только были возможны в наступивший просвященный двадцать первый век.

И потому со всей страстью горевшей души принял историю, прежде хранившуюся в большом секрете даже от родных.

У Романа Штернберга, впрочем, не было обиды на то, что он впервые узнал откровения из жизни деда и его поисков сокровищ диктатора Хутухты. Вместо этого пришло иное чувство — подлинный восторг.

— Еще бы — его простак-дедушка, пенсионер захудалой химической фирмы, только и отличавшийся прежде от прочих обывателей разве что баронским титулом, оказывается, настоящий герой войны.

И не только это впечатлило парня в его «предке».

— Он еще и хранитель тайны, способной в прямом смысле озолотить ее открывателя.

Нужно было только «по уму» распорядиться новыми фактами.

— Ну а дальше, что было, когда вернулся из лагеря? Нашел тебя советник Ласнер?

— Вернее, я его. И даже не самого советника, а его вдову.

Узнал парень, что важный чин не дождался возвращения посланца.

— Сам-то генерал подорвался на партизанской mine. Но туда ему и дорога. — заявил старик. — Хотел отсидеться в бомбоубежище, пока другие для него каштаны достают из огня.

И действительно выходило именно так. Ведь, что и говори — на верную смерть посылал он Курта Штернберга в Варшаву, когда уже через несколько дней собирались сдавать ее русским.

— Ни в жизни не поверю, что он — партийный бонза, не знал всех подробностей, заметил ветеран. — Только, впрочем, что мы все о нем, да о нем.

Старик потянулся за новой сигаретой, прикурил ее от огня, протянутой внуком, зажигалки, и глубоко затянулся ароматным табачным дымом:

— Попервой, как только выбрался с Восточной зоны оккупации и не представлял на что жить.

Поведал он внуку, что успел тогда горько позавидовать другим, которые хоть успели кое-что с фронта привезти, прихватить с собой фамильные драгоценности.

— А он вот даже узелок свой варшавский на чердаке оставил.

Это потом пособие назначили как ветерану войск СС.

В первые же дни, едва сошел с попутки в

Мюнхенском пригороде, готов был хоть с протянутой рукой идти. И тут вдруг услышал, что есть неподалеку имение богача Ласнера...

Долго тогда не хотела открываться тяжелая дубовая дверь роскошного особняка перед оборванцем в потрепанном воинском мундире.

— Передайте генералу, что это я — барон фон Штернберг, — прокричал посетитель сквозь зеркальное стекло дворецкому.

Но тот оказался незговорчивым.

— Господин советник погиб в январе 1945 года, — донеслось из-за двери. — Вдова же никого не принимает.

Это обстоятельство совсем выбило из колеи незваного гостя.

— Как так — погиб? — разочарованно протянул Курт.

Комкая в кулаке, машинально сдернутую с головы шапку, он повернулся и пошел прочь.

Хрустя истоптанными ботинками белым ракушечником, покрывавшем дорожку до самого выхода из старинного парка.

Того что темной кроной столетних елей пытался отгородить этот частный мирок от всех потрясений истории. Да не сумевший это сделать.

— Пойдите, господин барон, — донеслось вдогонку. — Фрау Ласнер готова принять Вас.

...Помощь влиятельной вдовы тогда

значительно облегчила положение беглеца из Восточной Германии.

Вначале она ввела его в круг своих знакомых. Потом Штернберг вступил в Общество взаимопомощи бывших военнослужащих войск СС (ХИАГ).

А там, для активиста возрождения былой мощи государства нашлась, хоть и не ахти какая, но все же работа.

Да и потом время от времени, следовали звонки, помогавшие ему в жизни.

— Вот и щедрая пенсия от военного ведомства — ее рук дело.

— Слушай, дед, а ты не пробовал узнать у вдовы что-нибудь о поисках самого генерала?

Все более загораясь идеей поиска сокровищ просил Роман.

— Вдруг да у него имелся ключ к разгадке — куда дел Фердинанд Оссендовский военную добычу нашего предка?

На что у собеседника, действительно, уже имелись кое — какие новости.

— А как же, — невозмутимо пыхнул сигаретой барон. — Да она сама мне все рассказала.

В тот час откровения с престарелой фрау Ласнер, многое, но, к сожалению, не все, сумел узнать продолжатель дела ее погибшего мужа.

Более того, вдова намекнула, что у нее есть

какие-то бумаги, доставленные ей из личного сейфа советника после его похорон.

Даже предложила Штернбергу войти в долю. В надежде, что он в Варшаве что-то пронюхал.

— И ты, конечно, согласился?!

— Как бы ни так. — с усмешкой ответил дедушка новоявленного кладоискателя, вновь доставая сигареты.

Закурив очередную, нисколько не заботясь о своем здоровье, он продолжил:

— У нее за спиной, небось, так и вились эти стервятники из общества старых членов СС.

Тут Роман и сам понял, что угрожало его предку:

— Выведали бы все, и поминай как звали доверчивого простака.

— Впрочем, мне и в действительности рассказать ей было нечего, — впервые откровенничал Штернберг-старший. — Ну, видел я старика-поляка перед его смертью. Ну, подтвердил он мне, что было золото. А вот куда дел, так и не успел сказать.

— Эх, действительно, что нам теперь с этого барахла, — презрительно кивнул Роман на принесенный с чердака сверток с документами.

— Однако, тут ты не прав, — усмехнулся барон. — Не такой уж я простофиля, как тебе кажется.

Он с усмешкой наблюдал, как вытянулось от удивления еще больше и без того худое лицо наследника.

— И ехал сюда не просто так, а в надежде именно их и отыскать на чердаке.

На что Роман недоверчиво протянул:

— Чтобы передать фрау Ласнер?

Не без сарказма вырвались слова у молодого парня. Но и получил он на это от своего «гроссфатера» крепкую отповедь.

— Та уже в мире ином. — ответил старый барон. — А вот наследники ее оказались сговорчивее. Продали-таки досье покойного генерала.

Улыбка тронула тонкие, ввалившиеся на беззубых деснах губы барона.

— Где ж оно? — воспрянул духом погрусневший было Роман.

— Тут, у меня с собой, — похлопал старик по плоскому кейсу, привезенному в родовое гнездо из Мюнхена.

— Как ты понимаешь, ночевать здесь негде, рассудительно заметил он. — Пока вещи не привезли.

Всем своим видом Курт Штернберг, из солидарности, нисколько не показывал состояние удрученности сложившимися обстоятельствами:

— Так мы бабушку отправим в ближайшую

гостиницу, а сами займемся бумагами, — как о давно решенном сообщил он.

Когда на примчавшемся по телефонному звонку такси фрау баронесса отбыла в отель, заговорщики взялись за документы, вынутые из чемоданчика- «дипломата».

Толстая папка, где лиловым штампом на корке раскрылся на свастике орел, несла на себе черную строчку готического письма «Совершенно секретно».

А под ней оказалась еще одна, только с иным титулом на сером картоне «Народный комиссариат Внутренних дел СССР».

— Что это?

— Документы из архива, захваченного еще в начале войны в одном из управлений НКВД, — ответил Курт. — Сам удивляюсь, как эту папку Ласнер сумел для личных целей изъять.

И уже оба они удивились не меньше:

— А потом как еще и вдове она досталась?

Не дослушав деда, сгорая от любопытства. Роман принялся за чтение.

Хорошо хоть в семье Штернбергов еще в детстве его заставили изучать и русский язык, язык предков.

— Что ж, мальчик, здесь ты точно преуспел, — непризвольно подумал барон, вслушиваясь в правильный литературный русский

выговор внука, довольно бегло начавшего знакомиться с документами из папки, испещренной внушительными наименованием и рукописными визами.

«Дело о гибели инструктора государственной охраны МНР, сотрудника ОГПУ гражданина Щетинкина Петра Ефимовича».

— Это еще кто такой? И причем тут наш Оссендовский? — оторвался от чтения на обложке Роман.

Только его строгий предок оставался совершенно невозмутимым.

— Там узнаешь.

И действительно, к утру, когда был перевернут последний листок из обширного розыскного дела, перед ними из протоколов допросов, донесений, других документов, как на ладони предстала судьба Петра Щетинкина.

«Железного батыра», как еще звали его в Монголии, в тот год, когда именно он оборвал карьеру диктатора Хутухты, барона смерти — Унгерна.

Глава девятая

Дважды за свою историю пустовала Новониколаевская тюрьма.

Да и то — ненадолго.

Что белые, что красные, заняв столичный град Сибири, первым делом выпускали из камер задержанных.

Силен стало быть, все еще принцип:

— Враг моего врага — мой друг.

Однако, одних арестантов, обретших волю, вскоре сменяли другие, взятые оттуда же — с городских кварталов.

Кого только не повидали серые кирпичные стены тюрьмы за смутные годы гражданской войны?

И все же появление этого заключенного вызвало у контролеров Домзака некоторое волнение:

— Как же — слух о том самой бароне, истории о чьей лютости в Забайкалье передавались из уст в уста, дошли и до здешних мест.

— Вот он, собака — в синем своем халате. Вырядился, подлюга, — бывало на караульной вышке плевался от злости какой из охранников, когда тюремный двор заполнялся вышедшим на прогулку.

Клацал затвор винтовки, а то и бритая шишкастая голова с хрящеватыми ушами и жидкими усами под вислым носом оказывалась в аккурат на прицельной планке.

Но было кое — что выше ненависти. Выше даже служебного долга охранника. Что не давало

им вылиться в самосуд.

Этим чувством оказывался все же страх перед авторитетом крупных военачальников, кто изо дня в день наведывался к пленнику.

Уже все знали:

— Готовился показательный процесс.

И многие из командования военного округа считали своим долгом принять участие в допросах барона Унгерна.

Всякий раз настороженно входил в комнату допросов пленник.

Зыркал на сидящих за столом взглядом глубоко посаженных глаз и, сделав несколько шагов до привинченного к полу табурета, тут же затравленно закутывался в широкие полы своего монгольского халата с, торчащими на плечах, нитками от споротых генеральских погон.

Худоба, еще более проявившаяся после ареста, ясно говорила о том, что двухмесячная отсидка не пошла ему на пользу.

И лишь ответы — дерзкие, насмешливые, зачастую ставившие в тупик неопытных следователей, выдавали, все это время копившуюся в нем, дикую энергию, необузданный неуравновешенный нрав и высокомерие господина перед плебеями.

Но худо-бедно процесс приближался к концу и пухлая папка протоколов, составленных со слов,

не скрывавшего свое прошлое, барона Унгерна была тому хорошим подспорьем.

— В одном виноват — слишком мало ваших стрелял, — чистосердечно признавался пленник, получая за это от следователей очередную папиросу.

Без которых особенно трудно приходилось такому заядлому курильщику, каким был барон.

И все же не ради такой благодарности, не скрывал Штернберг своего отношения к Советской власти.

— Но ничего, будет еще кому очистить Россию от большевиков. Дайте срок, — скрипел он зубами и в награду за словоохотство снова то и дело требовал папиросу, накуриваясь к концу допроса до одури.

А однажды, когда, казалось бы, все было ясно и обвинителям, и подследственному в исходе будущего процесса, это дело основательно застопорилось.

Началось же всё, когда рядом с обычными ревтребунальцами, с их по-мальчишески значительным видом, увидел барон не праздну любопытствующее начальство из штаба округа, а совсем наоборот — приветливую улыбку, знакомую ему еще по Монголии.

— Здравствуйте, Роман Федорович!
Присаживайтесь, — жестом отпуская охрану,

радушно пригласил, его ближе к столу коренастый сорокалетний командир с лицом, обожженным тем же гобийским злым пустынным солнцем, что и у самого барона.

— Я бы не желал Вам того же.

— Что так, господин Унгерн? Или поражения простить не можете?

Комкор Петр Щетинкин мог позволить себе насмешку.

Это его летучий экспедиционный отряд совсем недавно, двумя месяцами раньше — в августе 1921 года — в пух и прах разбил полки несостоявшегося диктатора Хутухты. За то и орден на груди — Красного Знамени.

Именно к Щетинкину тогда привели барона, выданного своими же подчиненными из конно-азиатской армии, вовремя понявшими, что бежать из окружения некуда.

— Тогда я, Роман Федорович, дал маху — не выведаль у Вас — куда обоз скрылся. Думал, что и так догоним. Да...

Пленный при этих словах словно помолодел, разогнулся на своем табурете, расправил худые плечи, озорно блеснул повеселевшими глазами:

— Черт лысый вам достался, а не обоз. У Фреда сто дорог и ни одной протореной.

Чем произвольно выдал часть тайны.

— У Фреда? Какого? — заинтересованно

переспросил Щетинкин. — Уж не у Фердинанда ли Оссендовского — бывшего адъютанта Вашего?

— Неважно, — снова уперся глазами в пол барон, — главное, что жизнь не зря прожил, и ты, краснопузый, еще вспомнишь обо мне, когда самого к стенке приставят.

Так и не сказал ничего больше Унгерн про то, о чем до этого и вовсе не упоминал:

— Как и куда отправил награбленное? Где велел поляку спрятать те немалые сокровища.

Даже в зале военного трибунала, выслушав приговор, еще раз, напоследок, победно глянул в глаза Щетинкина.

Мол:

— Попомните еще!

Лишь в юности похоже складывалась жизнь этих, столь непохожих друг на друга людей.

Барон Унгерн фон Штернберг — потомок тевтонских рыцарей, как и полагалось на его древнем роду, окончил элитное Павловское военное училище, есаулом служил в Забайкальском казачьем войске.

И Петр Щетинкин, хоть и из крестьян, но тоже стал военным.

Правда, лишь в первую мировую войну сделал карьеру — на германском фронте выслужился, дошел до штабс-капитана, оказался за героизм, проявленный в сражениях кавалером четырех

офицерских Георгиев.

В боях с германцами тогда оба прослыли храбрецами.

Да и потом, в гражданскую, оказавшись по разные линии фронта, не затерялись они среди других.

Унгерну сам адмирал Колчак вручил погоны генерал-лейтенанта и предписание стать во главе конно-азиатской дивизии.

А Щетинкин свой северо-ачинский партизанский отряд сам превратил в армию. Потом командовал Енисейской стрелковой дивизией. Был среди тех, кто судил в Иркутске колчаковских министров.

И вот надо же, выходит, самолично помножил, как потом говорил, на ноль и барона Унгерна.

Хорошо служил Щетинкин.

Но все же не зря злорадствовал тогда, на допросе, барон. Не забыли ему потерю «золотого обоза».

Правда, пост предложили все же немалый для любого другого — начальника штаба пограничных войск Сибирского Военного округа.

Да только для бывалого ли командира такая работенка:

— Контрабандистов ловить и в глухомани таежной — заставы строить?

Не выдержал он, попросился обратно:

— В Монголию.

Рапорты сдал один за другим, клялся, что разыщет следы упомянутого Унгерном «Фреда»:

— Скорее всего Фердинанда Оссендовского.

Обещал, что обязательно вернет республике утерянные сокровища.

И добился-таки своего — получил мандат инструктора Государственной военной охраны, тогда уже Монгольской республики.

Куда отправился не мешкая, с первой же оказией.

...В Ургу въехали ночью.

И если бы не прошлый опыт Петра Щетинкина, кто знает:

— Сколько бы петлял по грязным кривым улочкам их конный отряд, составленный в основном из новиспеченных командиров Народной Армии — выпускников Российских военных школ? Или вот таких как их самый старший — комкор Щетинкин — из бывалых вояк?

После окраинных низеньких лачуг бедноты, а затем — тонувших во мраке садов тибетских домиков и юрт состоятельных горожан, мощные строения крепости — импани, открылись во всей своей величественности.

Рассеянный лунный свет заливал высокий частокол на крепостном валу. Оттенял дозорные

вышки, под островерхими крышами.

Лишь где-то в глубине внутренних построек мерцали освещенные окна.

— Стой. Кто идет? — громкий окрик часового, давно обратившего внимание на цокот копыт по набитой дороге, заставил путников спешиться.

— Мне бы в главный штаб, а этих ребят где-нибудь устроить на ночлег, пока не решится вопрос о их назначении, — дружелюбно протянул руку вышедшему начальнику караула Петр Ефимович. — Вот мандат мой.

В ту пору, когда Монгольская народная республика лишь проходила стадию своего становления, русская речь в Урге не вызывала удивления.

Особенно, как теперь, когда слышали ее от военного.

Ведь костяк армии, должной защитить как от внутренних, так и от внешних врагов, составляли бойцы еще того экспедиционного, отряда, что несколько лет назад под командованием Щетинкина очистил страну от унгерновских банд.

Вот и теперь, во внутреннем дворе гарнизонных казарм, бросив поводья дончака вестовому, комкор уверенно зашагал к освещенным окнам штабного корпуса:

— Помню еще что здесь да как, — улыбнулся

в усы довольный концом утомительного путешествия Петр Ефимович. — Все же не мальчик уже — по неделе в седле гарцевать, возраст — за сорок, пора и остепениться. Начать кабинетную деятельность...

Обустройство не заняло много времени.

Переночевав в штабе, Щетинкин уже к вечеру следующего дня получил комнату в казарме.

— Устраивайтесь, товарищ! — открыл перед ним дощатую дверь провожатый — худощавый парнишка в изрядно потертой форме цирика — рядового бойца Народной Армии.

При этом буквально покорив гостя исключительно открытым, честным лицом.

— Спасибо, дорогой!

Щетинкин, по-хозяйски оглядевшись, тут же взялся за перестановку мебели — дощатой лежанки и колченогого стола.

— Помоги, пожалуйста.

Стол перекочевал от окна в дальний угол, узкой как пенал, комнаты, а на его месте оказался лежак.

— Понимаешь, приходится порой до темени засиживаться над бумагами, а лучше чем у окна ночью не придумать мишени, — пояснил он своему помощнику.

И тут же спохватился:

— Откуда русский знаешь?

Парень ответил без запинки:

— Служил у купца на фактории. Потом воевал в вашем отряде.

Это обстоятельство еще больше расположило приезжего к ординарцу.

— Неужели? — обрадовался сослуживцу Петр Ефимович.

Ну а тот, в свою очередь постарался закрепить успех у нового командира.

— Так точно, товарищ Железный батыр, — молодежато вытянулся, прижав руки по швам, боец.

Щетинкин, однако, не очень-то терпел солдафонскую муштру.

— Ну это ты брось, по струнке-то тянуться, — с улыбкой положил ему руку на плечо Щетинкин, — Давай лучше знакомиться.

Цирик будто ждал этого.

— Тогон Удвал.

И Щетинкин обошелся без своего воинского звания, обозначенного двумя рубиновыми ромбами на пертлицах гимнастерки.

— Ну а я — Петр Ефимович.

Парень настолько понравился вновь назначенному инструктору республиканской Государственной военной охраны, что на другой день, представляясь Пунцагдоржу — Министру Внутренних Дел, Щетинкин попросил именно того

себе в адъютанты.

И получил благожелательный ответ.

...Служба оказалась вполне схожей с той, что нес комкор в штабе пограничных войск Сибирского Военного Округа.

Так же пришлось налаживать контрольный режим на границе, создавать таможенные посты.

А это было совсем не просто там, где единственный вид сообщения — верхом.

И всегда рядом был Тогон, оказавшийся не только приветливым, но и сметливым, хозяйственным хлопцем, взявшем на себя заботу о всех бытовых мелочах походного быта командира.

Всякий раз с интересом присматривался он к Петру Ефимовичу, по вечерам открывавшему сверток с документами, неразлучно носимыми в полевой сумке.

— Пора ужинать, вот с кухни горячее принес, — как-то окликнул парень увлеченного своим делом Щетинкина.

И, как оказалось, попал в самую точку.

— Да конечно, — отозвался от записей комкор. — Где там моя ложка?

Ужин не заставил себя долго ждать.

— Очень важные бумаги? Может прибрать пока? — обратился Тогон Удвал. Не зная, куда поставить котелки с кашей и чаем.

Так как на столе были разложены,

испещренные крупным почерком, листы.

— Да уж нет, пожалуй! — утомленно потер виски Щетинкин. — Убедился в том, что зря веду все эти поиски.

Цирик заинтересовался по — настоящему:

— Не секрет — чего?

— Какой-же секрет — поиск того самого обоза, что проморгали мы тогда, разбив барона. Сколько лет прошло, а он как в воду канул.

Подумав секунду, комкор раскрылся до конца:

— И груз же опять не шуточный — военные трофеи барона Унгерна.

Пока Щетинкин прожевывал густой кулеш и запивал его плиточным, кирпичного цвета, чаем, адъютант морщил лоб, словно решая какую-то мучившую его загадку.

— Спасибо за ужин, — окликнул его командир и тут же шуточно покачал головой, — то ли заснул уже?

— Да нет. Думаю о том обозе, — ответил парень. — Тем более, что слышал о нем не так давно.

— Где? — сразу заинтересовался Щетинкин.

Тот не полез в карман за словом:

— Стоял на посту и слышал как его упоминали.

И вот тут у Щетинкина словно искра мелькнула в мозгу, подав обнадеживающий сигнал

к положительному исходу давних поисков:

— Кто, не помнишь? — спросил он и тут же получил исчерпывающий ответ.

— Министр финансов товарищ Данзан.

Столь твердое утверждение цирика, однако, требовало серьезной проверки.

Назавтра, уже с утра, Щетинкин отправился в министерство финансов, прихватив, с собою результаты собственных поисков.

Среди которых самыми важными и достоверными пока были исследования вариантов возможного местонахождения, награбленных несостоявшимся диктатором Хутухты, сокровищ.

— Меня зовут Данзан! — просто представился ему коренастый крепыш в роскошной, с иголки пошитой, шерстяной командирской форме, но без знаков отличия на рукаве. — Вас, я знаю, Петр Ефимович!

Он так и расцвел располагающей к дружескому общению, улыбкой:

— Хорошо знаю, товарищ Щетинкин. Давно хотел лично познакомиться.

И тот не стал разводить дипломатию.

Сразу перешел к делу, заставившему его менять родные сибирские места на неласковые пока монгольские степи:

— Я, собственно, вот по какому делу...

Рассказ о поисках «золотого обоза»

собеседник встретил, весь превратившись во внимание.

После чего. пригласил комкора прогуляться в хранилище ценностей прежнего правителя страны богдогэгэна:

— Это недалеко. Здесь же, в подвальном помещении здания. Может там найдем что интересное.

Государственный банк и в эти дни хранил немало редкостей, но все же они и в сравнение не шли с теми, что числились в перечне увезенного Унгерном.

— Вот полный реест содержимого его обоза, что все мы давно уже ищем, — достал Данзан из сейфа папку с бумагами.

И не только общим количеством показал их собеседнику, но и развернул веером:

— Тут один экземпляр на русском языке, — пояснил он. — Все же составлялся писарями конно-азиатской дивизии белых.

Щетинкин, обрадованный столь важной информацией, не мешкая, тут же погрузился в чтение описи.

Перечитывал страницу за страницей, пока не схватился за голову:

— Мать честная.

— В чем дело?

— Да ведь я видел эту штучку, причем совсем

недавно! — возбужденно воскликнул комкор.

— Что именно?

— Вот, — он взялся читать строку за строкой. — «Золотая статуэтка танцующего Будды, украшенного самоцветными камнями высотой в полтора фунта с четвертью, весом в пятнадцать футов».

— Так где же Вы могли ее видеть? — впился Данзан горящим взором в лицо Щетинкина.

Но тот уже успел взять себя в руки:

— Ошибся, должно быть. — ответил военный финансисту. — Вот проверю, тогда точно все обскажу.

Быстро распрощавшись, он пошел к себе, чтобы еще раз обдумать увиденное и услышанное в Министерстве финансов республики...

Для себя-то Щетинкин уже и не сомневался:

— Точно видел этого золотого божка. А раз он был в обозе, значит никак не мог миновать рук Оссендовского.

И этот неоспоримый факт позволял начинать уже конкретные, а не теоритические поиски «золотого» обоза.

— Его это след! Его! — обрадованно бормотал Щетиннин, входя в свою комнату в командирском доме.

— Кого, Петр Ефимович? — переспросил, ожидавший его за приготовлением чаепития, Тогон